

ВСХОДЫ.

Изъ жизни политическихъ ссыльныхъ.

ВСХОДЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ

15768

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

ВСХОДЫ.

Изъ жизни политическихъ ссыльныхъ.

I.

— Жбанъ, гости!

Группа молодыхъ людей столпилась передъ дверью деревяннаго амбара, совсѣмъ заслонивши входъ. Впрочемъ, не всѣ они были одинаково молоды. Человѣкъ, окликавшій невидимаго Жбана, обладалъ такой блестящей лысиной, которая вовсе не говорила о юности. Передъ входомъ былъ насыпанъ причудливой формы окопъ изъ комьевъ бурой глины, оставлявшій такъ мало свободнаго пространства, что одному изъ посѣтителей не достало мѣста, и онъ взобрался на верхушку окопа, гдѣ его длинная и плотная фигура возвышалась въ настоящую минуту, какъ статуя на пьедесталѣ.

Внутри амбара, прямо передъ дверью зіяла огромная четырехугольная яма, отдѣленная отъ порога узкой каемкой земли и посылавшая на встрѣчу жаркому лѣтнему дню прохладное дыханіе мерзлой подпочвы. Изъ одного угла ямы торчалъ конецъ бревна, замѣнявшаго лѣстницу. Изъ другого угла высосывались концы жердей, соединенныхъ и упертыхъ въ верхній край ямы, гдѣ подъ ними выпятилась огромная глыба земли, угрожавшая обваломъ.

— Жбанъ, вылѣзай! Гости! . . — повторилъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія тотъ же самый человѣкъ, не дождавшись отвѣта.

Нѣсколько молодыхъ безусыхъ головъ съ любопытствомъ потянулись черезъ порогъ, стараясь заглянуть въ яму и увидѣть носителя такого страннаго имени. Одна смѣлая нога сдѣлала попытку переступить внутрь, но человѣкъ, окликавшій Жбана, торопливо отдернулъ смѣльчака назадъ.

— Смотри, обвалишься! — пояснилъ онъ, предостерегая.

Дѣйствительно, закраина передъ порогомъ дала трещину и чуть держалась, и несвѣду-

щій человѣкъ могъ сразу образовать надъ головою невидимаго Жбана цѣлый обвалъ.

— Сейчасъ! — глухо послышалось изъ ямы въ отвѣтъ на окликъ, но вмѣсто человѣческаго лица показались двѣ крѣпкія, косматыя руки, поднявшія на закраину большую лохань съ глиной. Молодые люди передъ порогомъ, пренебрегая опасностью, поспѣшно подхватили лохань и вытащили на дворъ. Это было тѣмъ болѣе кстати, что руки, поднявшія лохань, исчезли какъ-то особенно стремительно и вслѣдъ за этимъ внутри послышался стукъ отъ паденія и крѣпкое ругательство. Яма была глубока и, чтобы достать до закраины, Жбанъ подмостилъ обрубки дерева, которые теперь разъѣхались подъ его ногами. Впрочемъ, черезъ минуту руки опять показались изъ ямы, на этотъ разъ поднимая низкую, пузатую кадку.

Изъ наклоненнаго края кадки вылилась внизъ струя свѣтлаго разсола и, конечно, попала горемычному Жбану на голову, такъ какъ вслѣдъ за этимъ послышалось новое ругательство.

— Да ну же, вылѣзай! — увѣщевалъ лысый, подвигаясь на край ямы и убирая кадку.

— Принимай! — послышалось снова изъ ямы. На закраинѣ другъ за другомъ появились большая бутыль съ молокомъ, нога коровьяго мяса, обернутая въ старое байковое одѣяло, и огромная кастрюля, плотно прикрытая крышкой. Все это были матеріалы для приготовленія снѣди, такъ какъ было очевидно, что гости проголодались, и Жбану предстояло произвести великое „кормленіе звѣрей“, выражаясь на мѣстномъ жаргонѣ.

— А что, бабъ нѣтъ? — спросилъ голосъ изъ ямы, когда выгрузка припасовъ была окончена.

— Да ну, вылѣзай! — настаивалъ лысый. — Никого нѣтъ! Вотъ сюда пришли, хотятъ знакомиться! . . .

— Ну, такъ подержи бревно! — сказалъ голосъ.

Самодѣльная лѣстница имѣла способность перевертываться въ самые неподходящіе моменты и безъ посторонней поддержки часто оборачивала свои ступеньки къ стѣнѣ при первой попыткѣ занести на нее ногу.

Человѣкъ съ лысиной нагнулся и сталъ держать бревно. Черезъ нѣсколько секундъ надъ ямой появилась громадная голова съ

всклокоченной бурой гривой и совершенно необъятной бородой нѣсколько болѣе свѣтлаго цвѣта. И грива, и борода были обильно пересыпано большими и маленькими кусочками глины и черезъ все лицо тянулись слѣды запачканныхъ пальцевъ, вытиравшихъ потъ.

— Давай руку, Мармошка! — сказалъ Жбанъ человѣку съ лысиной и съ помощью пріятеля выбрался-таки на свѣтъ Божій.

Одежда его состояла изъ грубой холщевой рубахи и валяныхъ отопковъ и отъ всего его крѣпкаго полуобнаженнаго, заросшаго волосами тѣла валилъ паръ, какъ отъ убѣгавшейся лошади. Яма была погребомъ и онъ ревностно углублялъ ее, намѣреваясь запустить туда деревянный срубъ. Несмотря на мерзлую землю, окружавшую ею внизу со всѣхъ сторонъ, работа лопатой и кайлой развивала такое тепло, что одежда являлась только лишнимъ стѣсненіемъ.

Молодые люди у порога съ любопытствомъ смотрѣли на эту необычайную фигуру. Лохматый Жбанъ былъ съ ногъ до головы весь засыпанъ землей и смахивалъ на Вія.

— Ну, давайте знакомиться! — сказалъ онъ, въ свою очередь расматривая гостей. — Я — Жбановичъ Валерій.

— Въ просторѣчіи Жбанъ! — докончилъ человѣкъ съ лысиной, объясняя кличку. Его собственная фамилія была Мармольскій, а въ сокращеніи его называли Мармошка.

— Ты бы одѣлся, Валь! — прибавилъ онъ.

— Какъ я одѣнусь? — возразилъ Жбанъ, разсматривая свои испачканныя ноги. — Выкупаться надо!

Но все-таки онъ привелъ свой туалетъ въ большій порядокъ и даже въ видѣ окончательной уступки взялъ съ полки амбара большой кафтанъ сѣраго сукна и накинулъ на свою мокрую спину.

— Ну, знакомь! — снова сказалъ онъ, обращаясь къ Мармольскому и указывая глазами на гостей.

— Безпаловъ, Носовъ, Зубцовъ, Сапоговъ, Припасовъ, Янесъ, — сталъ перечислять Мармольскій подрядъ.

Это была группа молодыхъ, недавно только прибывшихъ изъ Россіи, политическихъ ссыльныхъ общаго покроя и довольно тожественнаго вида. Всѣ они были въ большихъ сапо-

гахъ и темныхъ рубахахъ — косоворткахъ, подпоясанныхъ узкими ремешками. Ихъ молодыя безбородыя лица были блѣдны и носили слѣды долговременнаго пребыванія въ спертой атмосферѣ, но во всѣхъ глазахъ свѣтились искры веселаго возбужденія. Янесъ поверхъ косоворотки былъ одѣтъ въ старый студенческій мундиръ и, въ отличіе отъ товарищей, лицо его слегка обростало тонкими, черными волосами; но и въ его глазахъ мелькали тѣ же возбужденныя искры. Можно было подумать, что эти молодые люди только-что удрали какую-то особенную, еще небывалую штуку и не могутъ опомниться отъ ощущенія внезапно прихлынувшей удали.

Жбановичъ улыбнулся.

— Носовъ, Припасовъ, Зубцовъ, Сагоговъ! . . . — повторилъ онъ.

— А тамъ кто? — прибавилъ онъ, показывая на высокую фигуру, возвышавшуюся сзади на пьедесталѣ изъ набросанной глины.

— Это Фокинъ! — сказалъ Носовъ, тоже улыбаясь въ отвѣтъ.

— Всѣ они попались по одному дѣлу! . .

Жбанъ надѣлъ кафтанъ въ рукава, запахнулъ его и подвязался веревкой.

— Сколько всѣхъ? — спросилъ онъ, что-то соображая.

— Десятокъ! — отвѣтилъ Мармошка. — Еще есть старики. Полтавскій возится съ лошадью, а Куляпка и Рязановъ сидятъ съ Марылькой.

Жбанъ самодовольно улыбнулся. Марылька была его маленькая дочка, родившаяся три мѣсяца тому назадъ и составлявшая настоящій центръ усадьбы Погорѣльцевъ, принадлежавшей ея отцу.

— Маруся гдѣ?

Этимъ именемъ, въ отличіе отъ дочки, онъ называлъ свою жену.

— Ставитъ самовары, — сказалъ Мармошка — и разводитъ огонь . . .

— Ну, тащите! — сказалъ Жбановичъ, кивая головой гостямъ на припасы, разложенные по землѣ, и подхватывая кадку.

— А потомъ пойдемъ по воду!

Изъ-за другой стороны амбара вышелъ еще одинъ человѣкъ, одѣты въ синюю блузу и со штанами на выпускъ. Онъ былъ постарше другихъ, и его лицо на щекахъ было покрыто клочками жидкой бороды, похожей на прѣлую солому. Глаза у него были сѣрые и

злые; губы такъ плотно сжаты, какъ будто онъ опасался выпустить наружу какое-то слово, засѣвшее у него во рту.

Онъ нехотя подошелъ къ Жбану и протянулъ ему руку.

— Это Спицынъ, — сказалъ Мармольскій, игравшій роль церемоніймейстера. — Спица! — прибавилъ онъ — и очень острая.

Спицынъ презрительно улыбнулся и не сказалъ ни слова.

Погребъ находился среди большого двора, заросшаго травой и огороженнаго плетнемъ. На противоположномъ концѣ малорослый худощавый человѣкъ, одѣтый въ сѣрую нанку, возился со старой бѣлой лошадью, освобождая ее отъ узды.

Несмотря на свое долголѣтнее пребываніе на лонѣ природы, Полтавскій не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, обращаться съ конской упряжью и поэтому на его долю роковымъ образомъ постоянно выпадало выпрягать и запрягать.

Жбановичъ и его гости прошли черезъ калитку на передній дворъ, простиравшійся передъ входомъ въ жилую избу. Слѣва отъ избы былъ сдѣланъ густой навѣсъ изъ сосенъ, обтыканныхъ широкимъ полукругомъ,

и въ тѣни его поставленъ большой, грубо сколоченный столъ, окруженный такими же скамейками. Это было любимое лѣтнее мѣстечко Жбановича и его жены, такъ какъ солнце не проникало сквозь навѣсъ и отъ сосенъ струился здоровый смолистый ароматъ.

Погорѣльцы стояли на холмѣ, откуда открывался красивый видъ на окружающее луговое пространство, перемежавшееся темно-зелеными островками лѣса. Вдали темнѣла довольно крутая гряда холмовъ, замыкавшая горизонтъ. Но вся эта красота не искупала довольно чувствительнаго неудобства. Рѣчка Горѣлая протекала не ближе, чѣмъ въ полутора верстахъ, и для каждаго ушата проточной воды нужно было совершить трехверстное путешествіе, считая въ томъ числѣ обратную дорогу.

Правда, подъ холмомъ сзади усадьбы тянулась цѣпь лужъ, но вода изъ нихъ не годилась даже для бѣлья. Зимою Горѣлая обсыхала и вымерзала, и Погорѣльцы превращались въ настоящую безводную пустыню, такъ какъ за водой приходилось ѣздить уже за пять верстъ. Впрочемъ, Жбановичу ѣздить

было не на чемъ: лѣтомъ онъ отправлялся по воду съ ведрами и коромысломъ, а на зиму старался запасать ледъ и съ января просто собиралъ со своихъ обширныхъ дворовъ снѣгъ, замѣнявшій ему воду. Нельзя было удивляться, однако, что другіе жители Погорѣльцевъ съ наступленіемъ холодовъ выселялись, оставляя свои лѣтнія поля со всѣмъ снѣгомъ въ нераздѣльное пользованіе Жбановича.

Усадьба Жбановича состояла изъ трехъ низкихъ бревенчатыхъ связей различной величины, которыя онъ срубилъ въ разное время собственными руками. Вмѣсто крыши торчалъ конекъ, и только одна сторона была забрана двумя-тремя тонкими дранками. Это было тоже затѣей Жбана, но затѣей, которой никогда не суждено было осуществиться, такъ какъ теперь онъ утверждалъ, что его потолки не протекаютъ и ни въ какой крышѣ не нуждаются.

Тощая бѣлая сука, лежавшая у стола, увидѣвъ Жбана, вкочила и радостно бросилась ему подъ ноги.

— Веста! — громко крикнулъ хозяинъ. — На мѣсто!

Собака описала большой кругъ по двору и сдѣлала-было попытку опять подскочить къ хозяину, но одумалась и остановилась у скамьи, безпокойно посматривая въ его сторону.

Возлѣ навѣса высокая, худощавая женщина возилась надъ старымъ, почернѣвшимъ отъ времени самоваромъ, усердно раздувая его длиннымъ сапогомъ, голенище котораго было надѣто на трубку. Маленькій, свѣтлый, пузатый самоварчикъ бойко попыхивалъ рядомъ, по временамъ выпуская изъ своей трубы цѣлые снопы огня, такъ какъ вмѣсто углей она была наполнена сухими щепками. Но съ большимъ самоваромъ дѣло шло плохо: у него была въ трубѣ небольшая, но очень зловредная дырочка, куда то — и — дѣло попадала вода и тушила разгоравшійся огонь.

На встрѣчу Жбану женщина подняла лицо и улыбнулась. При свѣтѣ этой короткой улыбки, блеснувшей какъ молнія, лица ея вдругъ показалось молодымъ и прекраснымъ, какъ будто ей опять стало 18 лѣтъ, вмѣсто 35-ти.

— Возьми, Пошехонка! — сказалъ Жбанъ, проходя мимо самоваровъ и направляясь къ избѣ.

Настоящее имя его супруги было Марія Петровна, но она имѣла привилегію быть родомъ изъ Пошехонья, и это областное имя привилось къ ней такъ прочно, что иные изъ знакомыхъ забывали даже ея настоящее имя.

Это была совсѣмъ новая супружская чета. Оба они прожили лучшую половину своей жизни на холостомъ положеніи въ полномъ одиночествѣ и располагали въ такомъ же видѣ дойти до конца.

Жбанъ былъ дѣйствительно близокъ къ концу, такъ какъ его съѣдала глубокая и мучительная меланхолія, оставшаяся въ его душѣ, какъ осадокъ отъ долгаго мытарства по тюрьмамъ и въ ссылкѣ, и онъ уже насилу волочилъ ноги; но природа разсудила иначе и въ одну рѣшительную минуту пустила въ ходъ самое простое и могущественное изъ своихъ средствъ. Теперь Жбанъ опять обладалъ медвѣжьей силой и добросовѣстно старался вложить ее въ свою землю, раскапывая ее въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и выводя огородныя гряды

изъ земли, которую вынималъ изъ погреба, — а Марья Петровна молодѣла съ каждымъ днемъ.

Оба они до сихъ поръ еще не могли опомниться отъ своего неожиданнаго союза. Жбанъ въ сущности чувствовалъ себя неловко, но Марья Петровна въ своемъ новомъ положеніи была, какъ рыба въ водѣ, особенно послѣ того, какъ у нея родился ребенокъ. Ей было только смѣшно и наединѣ она часто дразнила Жбана, напоминая ему различныя подробности его первоначальнаго ухаживанія.

— А Марылька что дѣлаетъ? — спросилъ Жбанъ, входя на низкое крылечко и собираясь открыть дверь.

— Балуетъ Машутка! отвѣтила Пошехонька пріятнымъ и тягучимъ говоромъ, дѣлая особое удареніе на имени. Каждый изъ супруговъ старалъ своимъ племеннымъ патріотизмомъ, и споры изъ-за него были единственной легкой дымкой, омрачавшей ихъ брачный горизонтъ. Они вели жестокія пренія относительно того, къ какой національности принадлежитъ Марылька. Въ послѣднее время,

впрочемъ, въ видѣ компромисса за ней стало устанавливаться имя „Славянки“.

Колыбель Марыльки стояла въ задней комнатѣ. Здѣсь было довольно темно, такъ какъ окна отъ свѣта были завѣшены темными дабяными занавѣсками, но очень чисто. Жбанъ еще недавно обилъ всѣ стѣны ивовыми прутиками и оштукатурилъ ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, а потомъ оклеилъ блестящей новой бумагой. Марья Петровна въ свою очередь почти каждый день мыла полъ. Чистота вообще была ея слабостью, и она доводила ее до педантизма, несмотря на то, что о прислугѣ не было рѣчи, и убирать за ребенкомъ и содержать въ порядкѣ хозяйство приходилось ей самой.

Марылька лежала въ колыбели, но не спала. Занавѣси колыбели были на половину отдернуты, и двое гостей усердно занимались молчаливымъ созерцаніемъ этой маленькой человѣческой куколки въ бѣломъ полотняномъ коконѣ, откуда выглядывало сморщенное красное личико. Куляпка, впрочемъ, больше разсматривалъ колыбель, такъ какъ она была дѣломъ его рукъ. Онъ былъ столяръ по профессіи и принялъ на себя

добровольную обязанность поставлять по мѣрѣ надобности для всѣхъ товарищей по ссылкѣ дѣтскія кроватки. Въ иные годы ему приходилось дѣлать до шести кроватокъ.

Это былъ маленькій, почти миніатюрный человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, съ бритымъ лицомъ и волосами желѣзнаго цвѣта. Онъ былъ одѣтъ очень чисто; глаза его имѣли такой утомленный видъ, какъ будто ему весь свой вѣкъ пришлось возиться съ книгами, а не съ деревянными стружками.

Зато Рязановъ напряженно созерцалъ малютку, что-то сосредоточенно соображая. Онъ былъ статистикъ по профессіи и призванію, и обыкновенно такія человѣческія единицы, какъ Марылька, представлялись ему только какъ предикатъ къ графѣ, надъ которую было надписано: возрастъ до 1-го года, — но крошечное существо, бывшее передъ нимъ въ настоящую минуту, какъ-то не хотѣло уложиться въ соотвѣтственную графу и совсѣмъ заслоняло и цифры, и выводы. Въ его душѣ упрямо шевелилось какое-то безпокойное чувство, и онъ все думалъ, даже съ нѣкоторой тревогой, что вотъ Марылька сейчасъ пискнетъ и всѣ въ домѣ за-

суетятся; прибѣжитъ мать, возьметъ ее на руки, выгонитъ ихъ изъ комнаты и будетъ ее кормить.

Но, вмѣсто матери, въ комнату вошелъ шумно и быстро отецъ.

— Марылька, гугу! — громко окликнулъ онъ дочку, заглядывая въ колыбель.

Дѣвочка перевела къ нему свой смутный, но ничего не выражавшій взглядъ.

Glupia jestés, Марылько! — сказалъ Жбанъ и протянулъ было ей палецъ, но во время спохватился, замѣтивъ, какъ онъ грязенъ.

Дѣвочка сморщила личико и пискнула. Ей надоѣло лежать въ полномъ бездѣйствіи и молчаніи.

— Ребенко плачецъ. Тша накормиць! — сказалъ Куляпка, отрываясь отъ созерцанія колыбели.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ его польскій языкъ постепенно воспринялъ цѣлый рядъ русскихъ словъ и оборотовъ и превратился въ особый жаргонъ, который отказывались признавать своимъ и русскіе, и поляки.

— Пошехонка, иди! Дѣвка плачетъ! — громко позвалъ Жбанъ, явно подѣлываясь подъ окающій говоръ своей супруги.

— Гу гу! Марылька! — утѣшалъ онъ дочку своимъ трубнымъ голосомъ, не осмѣливаясь вынуть ее изъ колыбели своими запачканными въ глинѣ руками.

Марья Петровна поспѣшно явилась, взяла дочку на руки и, какъ предвидѣлъ Рязановъ, выгнала мужчинъ вонъ. Жбанъ взялъ ружье, стоявшее въ углу передней комнаты, и вышелъ да дворъ.

— По во-о-ду! — пропѣлъ онъ, подражая южнымъ водовозамъ. — Ребята, по воду!

Веста при видѣ ружья опять сошла съ ума отъ радости и стала кувыркаться въ травѣ, перекатываясь съ одного угла двора на другой.

— Веста, дура, тубо! — свирѣпо окликнулъ хозяинъ.

Безчинство онъ допускалъ только для людей, а отъ собаки требовалъ, чтобы она вела себя серьезно и пристойно.

Пристыженная Веста улеглась возлѣ стола, дрожа отъ нетерпѣнія и не сводя горящаго взора съ хозяина. Она думала, что онъ собирается на охоту.

Мармольскій, увидѣвъ ружье, сдѣлалъ то же умозаключеніе, что и Веста.

— Ты куда? — спросилъ онъ съ удивленіемъ во взорѣ.

— По воду! — лаконически отвѣтилъ Жбанъ.

— А ружье зачѣмъ? — спросилъ Мармолька.

— Такъ! — угрюмо пробурчалъ Жбанъ. — Не могу я безъ ружья, — неохотно пояснилъ онъ. По лицу его проползло какъ будто облако.

Въ прежніе годы онъ былъ страстнымъ охотникомъ и цѣлыя недѣли проводилъ въ лѣсу. Въ острые періоды человѣко-ненавистническаго настроенія онъ спасался въ зеленой дубравѣ отъ друзей и недруговъ и велъ жизнь настоящаго бродяги, переходя изъ околотка въ околотокъ и забираясь въ такія непроходимыя дебри, гдѣ не протоптала ни одной тропы даже нога лѣсного туземца. Въ послѣдніе годы возрастающая физическая слабость загородила ему дорогу въ лѣсъ, но теперь съ возрожденіемъ своей силы онъ чувствовалъ временами неодолимое стремленіе удрать на зеленые, обросшіе лѣсомъ холмы, которые темнѣли на горизонтѣ. Но домашнее хозяйство съ Марусей во главѣ и

Марылькой въ видѣ центральнаго пункта не отпускало его ни на шагъ, такъ какъ его дѣятельность постоянно требовалась въ томъ или другомъ направленіи.

Разъ въ двѣ недѣли онъ урывалъ вечерокъ для того, чтобы посѣтить городъ, лежавшій въ 8 верстахъ, но въ лѣсу онъ могъ появляться еще рѣже и притомъ на такое короткое время, что нельзя было проникнуть дальше опушки. Онъ нѣсколько утѣшался, проявляя особую заботливость по отношенію къ ружью, чистилъ его при каждомъ удобномъ случаѣ и подъ конецъ сталъ вездѣ носить его съ собою, какъ будто предполагая, что дичь можетъ ему попасться на большой дорогѣ.

Куляпка, увидѣвъ ружье, тоже поддался охотничьей страсти и, подойдя къ телѣгѣ, вытащилъ оттуда старую одностволку, составлявшую его личную собственность. Такъ же, какъ и Жбановичъ, онъ страстно любилъ охоту, но она не платила ему взаимностью, и за всю свою охотничью карьеру онъ могъ похвастаться въ видѣ трофея единственнымъ, довольно тощимъ рябчикомъ, который насмѣшливыми пріятелями былъ превращенъ въ

чучело и красовался надъ его кроватью въ городѣ подъ стекляннымъ колпакомъ. Частыя посѣщенія Погорѣльцевъ имѣли предметомъ не столько семью Жбановичей, сколько заманчивый Погорѣльскій лѣсъ, но, къ сожалѣнію, Куляпку нельзя было отпускать одного въ глубину тайги, такъ какъ онъ обладалъ изумительною способностью сбиваться съ дороги и однажды умудрился заблудиться даже въ жидкомъ перелѣскѣ, составлявшемъ часть Погорѣльской поскотины и вдоль и поперекъ истоптанномъ коровами.

— Ты куда? — въ свою очередь спросилъ суровымъ тономъ Жбановичъ, увидѣвъ охотничьи доспѣхи своего пріятеля.

— Кропатье пошукамъ! — сказалъ Куляпка извиняющимся голосомъ. — По лѣсѣ побороде! . . .

— Нечего тамъ побороде! — передразнилъ Жбанъ.

Въ разговорахъ съ Куляпкой онъ употреблялъ только русскій языкъ и злился, слыша искаженіе польскихъ словъ.

— Пришелъ въ гости, такъ сиди! — Потомъ всѣ пойдемъ! — прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Куляпка вздохнулъ и покорно положилъ ружье на мѣсто.

Молодые гости приспособляли къ коромыслам разнообразную водяную посуду, которую Жбановичъ предусмотрительно припасалъ для случаевъ, подобныхъ теперешнему.

— Разувайся, ребята! — предупредилъ Жбановичъ.

Отъ вышеупомянутыхъ ямъ тянулось топкое болото, которое со всѣхъ сторонъ опоясало Погорѣльскій холмъ. На пути къ рѣчкѣ нужно было перебрести эту топкую полосу по колѣно въ грязи, а возвращаясь назадъ послѣ купанья въ проточной водѣ, приходилось въ концѣ концовъ обмывать ноги въ ямѣ, гдѣ стоячая вода имѣла кофейный цвѣтъ и была переполнена полуразложившимися растительными волокнами и всякой нечистью.

— Но сапоги возьмите съ собой! — совѣтовалъ Жбанъ. — Тамъ дальше трава ужасно колючая . . .

Гости повѣсили свои сапоги на коромысла рядомъ съ ушатами.

— А вы что? — спросилъ Жбанъ монументальнаго Фокина, который бережно оста-

вилъ свои сапоги подъ лавкой, на которой разулся.

Фокинъ беззаботно махнулъ рукой.

— Что ваша трава? — сказалъ онъ въ объясненіе. — Мои подошвы шило не возьметъ. Пускай хоть ноги провѣтрятся! . . .

Дѣйствительно, огромныя лапы Фокина, широко выступавшія изъ короткихъ нанковыхъ штановъ, имѣли такой видъ, какъ будто были общиты самой крѣпкой кожей.

Янесъ, все время наблюдавшій за дѣйствіями Фокина, вдругъ сдернулъ свои сапоги съ коромысла и бросилъ въ сторону.

Я тоже пойду босой! — заявилъ онъ рѣшительно и весь покраснѣлъ.

Фокинъ лукаво посмотрѣлъ на него.

— Пара босяковъ! — сказалъ онъ. — Ужо побѣжимъ въ перегонку! . . .

Зубцовъ притащилъ длинную и тонкую жердь и привязывалъ на концахъ ея пару низкихъ, но довольно объемистыхъ ушатовъ.

Ты дурило! — обратился онъ къ Фокину. — Это для тебя коромысло! Стыдно такому идолу ходить съ простыми ведрами . . .

Фокинъ послушно взялъ на плечи импровизированное коромысло. Онъ былъ такъ

высокъ, что могъ довольно удобно нести его на плечѣ, и ушаты не волочились по землѣ.

Смѣясь и болгая, компанія направилась внизъ къ переходу черезъ болото. Спицынъ избралъ самостоятельный образъ дѣйствій. Онъ не захотѣлъ разуться и въ то время, когда другіе брели по колѣно въ грязи, пошелъ по тропинкѣ, уходившей въ сторону. Ему пришлось саженей съ полсотни пробалансировать по высокимъ кочкамъ, съ большимъ рискомъ сорваться въ воду, таившуюся внизу подъ густой болотной травой, а погомъ сдѣлать полторы версты крюку, но онъ успѣлъ догнать товарищей еще на полдорогѣ. Это было ему тѣмъ легче, что онъ не взялъ ни коромысла, ни ведеръ, и теперь шелъ по полю вмѣстѣ съ другими, заложивъ руки за спину и попыхивая папироской. Впрочемъ, Носовъ и Безпаловъ тоже шли налегкѣ, такъ какъ для нихъ не достало ведеръ.

По ту сторону болота тянулись полосы ячменя и ярицы, уже кончавшія колоситься. Дальше была ограда, а за оградой широкій выгонъ, переходившій черезъ рѣку и достигавшій лѣсистой гряды на горизонтѣ. Онъ былъ покрытъ низкой щетиной полуобъѣден-

ной травы, посѣрѣвшей отъ жары и жесткой, какъ проволока. Мѣстами въ этой проволочной травкѣ попрыгивали жаворонки, и почти на каждомъ шагу изъ маленькихъ земляныхъ холмиковъ показывались любопытныя рыжія мордочки овражковъ. Веста успѣла задавить одного овражка еще въ хлѣбахъ. Проскоподъ изгородью, она совсѣмъ потеряла голову отъ запаха многочисленной добычи и принялась съ ожесточеніемъ гоняться по всему полю за неуклюжими звѣрьками, которые, однако, довольно ловко успѣвали ускользать въ свои подземныя убѣжища. На полдорогѣ она опять подхватила одного, но онъ успѣлъ такъ крѣпко укусить ее за носъ, что она съ визгомъ подбросила его вверхъ больше, чѣмъ аршинъ. Черезъ мгновеніе она сдѣлала попытку подхватить его на лету, но промахнулась, и овражекъ, къ своему счастью, упалъ на землю какъ разъ около чьей-то совсѣмъ чужой норы и немедленно заскочилъ въ нее. Обманутая Веста съ ожесточеніемъ заскребла лапами надъ норой. Зубцовъ вдругъ поставилъ свои ведра и, подхвативъ съ земли валявшуюся щепку, швырнулъ ею въ красную мордочку, нахально торчавшую изъ поры въ

нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги. Щепка воткнулась концомъ прямо въ нору, но овражекъ еще прежде фыркнулъ и нырнулъ внизъ. Черезъ пять минутъ все молодое общество, отложивъ въ сторону коромысла, гонялось по полю за овражками съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто это былъ самый интересный видъ спорта. Веста сошла съ ума еще больше прежняго и въ концѣ концовъ въ припадкѣ собачьяго восторга бросилась прямо подъ ноги долговязому Фокину, который немедленно растянулся по землѣ и попалъ лицомъ на отверстіе овражей норы, какъ будто хотѣлъ заглянуть туда внутрь.

Жбановичъ величественно стоялъ на мѣстѣ. Въ качествѣ настоящаго охотника, онъ не понималъ такого нелѣпаго спорта. Простоявъ нѣсколько минутъ и видя, что забавѣ гостей конца не предвидится, тѣмъ болѣе, что всѣ они не могли убить ни одного звѣрька, онъ выбралъ одного изъ самыхъ далекихъ, который безпечно стоялъ на заднихъ лапкахъ у своей норки, и, снявъ съ плеча ружье, небрежнымъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ.

При звукѣ выстрѣла всѣ остановились и прекратили охоту.

— Веста, принесь! — приказалъ Жбанъ, продувая разряженный стволъ.

Веста принесла въ зубахъ убитаго звѣрька. Вблизи онъ имѣлъ довольно безобразный видъ — съ тупымъ носомъ, коротким, жирнымъ рѣдкошерстнымъ тѣломъ и недлиннымъ толстымъ хвостомъ. Жбанъ взялъ въ руки свою добычу, потомъ равнодушно отбросилъ ее прочь, такъ какъ овражекъ не годился ни на какую потребу.

Спицынъ тоже не участвовалъ въ спортѣ и все время съ угрюмымъ видомъ просидѣлъ на небольшомъ бугрѣ, рядомъ съ Жбановичемъ. Когда Веста принесла звѣрька, онъ съ отвращеніемъ отвернулся, но черезъ минуту снова обратился къ охотнику.

— Что же вы бросили? — сказалъ онъ, указывая рукой на брошеннаго овражка. — Замордовали, такъ берите! . . Эхъ, вы, люди! — заключилъ онъ съ презрительнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ. — Стрѣлки! . . Онъ, вѣдь, тоже жить хочетъ! . .

— А чортъ съ нимъ! — равнодушно отвѣтилъ Жбановичъ. Мы тоже хотимъ, — а придется, и мы сходнемъ! . .

Интересъ къ бѣготнѣ за звѣрьками вдругъ пропалъ у всѣхъ, гости разобрали свои ведра и отправились въ путь, къ великой радости Янеса, который кое-какъ ковылялъ сзади другихъ по проволочной травѣ и на каждомъ шагу чувствовалъ, какъ десятки тупыхъ иглъ больно царапаютъ и колютъ ему подошвы.

На этомъ открытомъ полѣ солнце палило немилосердно, и будущіе водоносы уже обливались потомъ.

— За то купанье какое! — утѣшалъ Жбановичъ. — Вода свѣжая, чисто слеза, на днѣ песокъ, на берегу травка! . . Чудесная рѣчка, такъ бы не ушелъ оттуда! . .

Горѣлая текла на днѣ узкаго оврата, куда надо было спуститься по крутому зеленому скату. Но когда гости увидѣли, наконецъ, чудесную рѣчку, ихъ постигло полное разочарованіе. Превосходное купанье, которое восхвалялъ Жбановичъ, оказалось тонкими струями небольшого ручейка, едва закрывавшими щиколотку даже у мальчишекъ, полоскавшихся шаговъ за сто внизъ по теченію.

Вдобавокъ подъ жаркими лучами солнца вода нагрѣлась, какъ въ самоварѣ, и давала сравнительно мало освѣженію.

Жбанъ увелъ гостей къ какому-то завѣтному мѣстечку, представлявшему нѣчто въ родѣ широкаго круглаго водоема, которому онъ почему-то далъ названіе омута; но и въ омутѣ вода не достигала до пояса. На перекатѣ изъ этого омута была такъ мелко, что Фокину пришла въ голову идея запрудить своимъ тѣломъ проходъ воды, но какъ онъ ни закапывался въ песокъ, вода, разумѣется, бѣжала подъ его спиной безъ всякаго удержа и, наконецъ, Зубцовъ и Носовъ стали забрасывать его иломъ, чтобы укрѣпить, какъ они говорили, „деревянную плотину“ насыпью.

Жбанъ принесъ съ собой мыло и какой-то китайскій огурецъ, вмѣсто губки, и ожесточенно намыливалъ себѣ лицо и тѣло. Изъ его гривы упорно вытекали мутныя глинистыя струи.

— Ну, что жъ, побѣжимъ на перегонки!— напомнилъ неугомонный Зубцовъ предложеніе Фокина, когда купанье было окончено и посуда наполнена водой изъ верхняго переката надъ омутомъ, гдѣ съуженная струя сбѣгала очень быстро.

Фокинъ, недолго думая, подхватилъ свою

жердь съ наполненными ушатами и устремился на откосъ. Другіе торопливо послѣдовали за нимъ. На полѣ началась настоящая гонка. Водоносы бѣжали мелкой рысью, стараясь шагать по одной прямой линіи и поддерживая руками ведра и ушаты, которые качались во всѣ стороны, немилосердно расплескивая воду. Потомъ публика пришла въ азартъ и перестала обращать вниманіе на ведра, такъ какъ Фокинъ съ ушатами все время былъ впереди. Но когда оставалось уже не больше четверти всей дороги, жердь Фокина внезапно лопнула, и ушаты покатились по землѣ, разливая остатокъ воды. Фокинъ остановился надъ ними съ обезкураженнымъ видомъ. Ему нельзя было даже вернуться на рѣку, такъ какъ никакое другое коромысло не годилось для его ушатовъ. Вся компанія тоже остановилась и принялась осматривать свои коромысла. Гости выглядѣли довольно сконфуженными, такъ какъ въ ведрахъ не было и третьей части воды.

Но опытный Жбановичъ сразу нашелъ наиболѣе выгодный образъ дѣйствій. Онъ сталъ сливать воду изъ всѣхъ ведеръ въ ушаты Фокина.

— Мы потащимъ эти ушаты просто руками, — сказалъ онъ. — Тутъ близко. А другіе пусть вернутся на рѣку.

Безпаловъ и Носовъ, которымъ раньше не достало посуды, съ видимой охотой подхватили ведра и убѣжали обратно на Горѣлую. Они были очень довольны тѣмъ, что и на ихъ долю нашлась работа.

Другіе со смѣхомъ и шутками направились къ переправѣ черезъ болото, по очереди таща ушаты. Янесъ, всю дорогу героически переносившій тысячи уколовъ, воспользовался необходимостью обмыть ноги отъ грязи, чтобы вытащить изъ нихъ занозы. Онъ пришелъ уже съ задними, которые ходили на рѣку въ другой разъ.

Марья Петровна вскипятила свои самовары и разставляла на столѣ чашки и закуску. Куляпка, который въ пику Жбану, не пустившему его на охоту, отказался также и отъ купанья и остался дома подъ предлогомъ помощи хозяйкѣ, уже вознаграждалъ себя за столомъ за свои хлопоты. Этотъ миніатюрный человѣкъ любилъ поѣсть и могъ состязаться въ этомъ дѣлѣ съ какимъ угодно массивнымъ соперникомъ.

Но Рязанову и Полтавскому, которые тоже оставались дома, было не до ѣды. Они сидѣли на кучѣ старыхъ бревенъ, набросанныхъ около навѣса, и вели между собой въ высшей степени ожесточенный споръ. Это были товарищи дѣтства, проводившіе всю жизнь вмѣстѣ. Изъ послѣднихъ 20 лѣтъ они прожили 19 въ одной и той же комнатѣ и только въ теченіе одного года были раздѣлены тюремной стѣной, которую, впрочемъ, посредствомъ перестукиванія превратили изъ преграды въ средство общенія. Оба они были книжниками, но характеръ ихъ воспріятія идей былъ различенъ. Рязановъ утвердился въ своихъ идеяхъ съ ранней молодости и во всю остальную жизнь только пережевывалъ ихъ, какъ жвачку. Полтавскій, напротивъ, постоянно метался въ поискахъ за новыми истинами, и каждый новый оттѣнокъ, каждая иначе бѣгущая струя теченія находила въ немъ вполнѣ готоваго прозелита. Онъ предугадывалъ ихъ, стремился къ нимъ на встрѣчу и въ подходящую минуту умѣлъ вычитывать ихъ между самыхъ безразличныхъ строкъ. Потомъ волна протекала мимо, и онъ не бросалъ ей во слѣдъ даже прощальнаго взгляда

и обращался къ ея вновь набѣгающимъ преемницамъ. Теперь онъ находился въ апогеѣ своего послѣдняго прозелитизма и проглотилъ послѣднее новое ученіе, можно сказать, съ кожей и костями, не уступая ни одной запятой, ни одной точки надъ і.

Совмѣстное сожительство ихъ съ Рязановымъ представляло одинъ непримиримый споръ, который, въ сущности, никогда не прерывался и измѣнялъ только объекты, и можетъ быть, поэтому оно было такъ долговѣчно и неразрушимо.

Въ настоящую минуту споръ ихъ касался отношенія между физическимъ и духовнымъ міромъ.

— Я хочу знать, что такое душа! — съ азартомъ повторялъ Полтавскій. — Скажи мнѣ, что такое душа!

— Душа — это есть сложная координація сознаній, соединенныхъ въ одно цѣлое, — неуклюжимъ языкомъ объяснялъ Рязановъ.

— А что такое сознаніе? — приставалъ Полтавскій.

— Сознаніе есть внутренная, психическая сторона внѣшняго физическаго нервнаго раз-

драженія — еще болѣе неуклюже объяснялъ Рязановъ.

— Это слова! — кричалъ Полтавскій. — Нѣтъ, ты покажи мнѣ сознаніе, чтобъ я могъ его измѣрить!

— Какъ же его измѣрить? — резонно возразилъ Рязановъ, — когда оно несоизмѣримо терминамъ вещества и движенія? . .

— Да? — иронически переспросилъ Полтавскій. — А ты Уэльса читалъ, „Борьбу Міровъ“?

— Читалъ! — недоумѣвающимъ тономъ отвѣтилъ Рязановъ. — Ну, такъ что же? . .

— А то, что, по моему, онъ глупъ! — сказалъ Полтавскій безапелляціонно.

Рязановъ продолжалъ смотрѣть еще съ большимъ недоумѣніемъ.

— Какъ это глупъ? — переспросилъ онъ.

— А такъ! — отрывисто пояснялъ Полтавскій. Выдумалъ какія-то цилиндрическія ядра, въ которыхъ жители Марса переселяются на землю, точно бобы въ стручкѣ. . . . Нѣтъ! Когда д о н а с ъ дойдетъ очередь переселиться на Марсъ, м ы сдѣлаемъ иначе. . .

Рязановъ слушалъ съ видимымъ интересомъ. При всей косности своего умственнаго

аппарата, онъ имѣлъ тайную наклонность къ мистицизму и очень любилъ помечтать на темы изъ Фламмаріоновской Ураніи.

— Мы сдѣлаемъ такъ, — объяснялъ Полтавскій. — Возьмемъ десятокъ людей, истолчемъ ихъ въ ретортѣ, разложимъ на составные элементы, опредѣлимъ индивидуальный моментъ силы и матеріи каждаго изъ нихъ, подвергнемъ ихъ сжатію подъ давленіемъ милліона атмосферъ и изъ этого сдѣлаемъ зарядъ. Вотъ этакой зарядъ мы и бросимъ на Марсъ или Венеру съ такимъ расчетомъ, чтобы черезъ данный промежутокъ совершился возстановительный процессъ и возстановилась индивидуальность каждаго изъ переселенцевъ . . . По твоему, какъ, можно это сдѣлать? . . .

— Можно! — тономъ непоколебимаго убѣжденія отвѣтилъ Рязановъ. — Конечно, можно.

А гдѣ же твое несоизмѣримое? — торжествующимъ тономъ спросилъ Полтавскій. — Гдѣ неразложимое сознаніе, если цѣлаго человѣка можно разложить на составныя части, какъ какую-нибудь кислоту, и потомъ составить вновь? . . .

Рязановъ хотѣлъ отвѣтить, но въ это время Жбановичъ настойчиво позвалъ ихъ къ столу. „Кормленіе звѣрей“ было въ полномъ разгарѣ.

Жбанъ опустошилъ свои огороды, чтобы предъявить публикѣ молодой рѣдисъ, похожій скорѣе на какую-то сѣрую пробку, весьма корявую рѣдьку, очень дряблую и очень горькую, вышибавшую у каждаго потребителя обильныя слезы изъ глазъ, и мелкіе огурчики, искривленные во всѣ стороны и напоминавшіе толстыхъ зеленыхъ червяковъ.

Въ видѣ pièces de résistance на столѣ находились огромный, колесообразный хлѣбъ, котелъ съ варенымъ картофелемъ и большой деревянный туесъ съ простоквашей. Кастрюли, ворчавшія на огнѣ, разведенномъ передъ навѣсомъ, готовились въ должную минуту явиться въ видѣ подкрѣпленія.

Впрочемъ, менѣе, чѣмъ черезъ часъ все было окончено. Даже кадка съ солеными грибами на половину опустѣла. Куляпка совершилъ чудеса поглощательнаго искусства и къ концу обѣда даже раздулся, какъ удавъ, проглотившій кролика. Марья Петровна убрала посуду; Жбанъ поставилъ на столъ боль-

шую жестяную коробку съ махоркой и положилъ старый томъ „Русской Мысли“ безъ начала и конца въ качествѣ оберточнаго матеріала для свертыванія собачьихъ ножекъ.

Молодые люди стали взапуски дымить „цыгарками“.

— Ну, кто вы такіе? Разсказывайте! — сказалъ неторопливо Жбанъ, затягиваясь изъ огромной трубки, выдолбленной изъ наплыва на корнѣ березы.

Носовъ, Зубцовъ и Янесъ переглянулись. Они уже успѣли узнать, что лохматый владѣлецъ Погорѣльской усадьбы былъ не только старовѣромъ, но даже націоналистомъ и были въ тоже время настолько молоды, что стѣснялись завязать съ хозяиномъ слишкомъ ожесточенный споръ.

Но Мармошка пришелъ къ нимъ на выручку.

— Что ты ихъ спрашиваешь? — сказалъ онъ довольно безцеремонно. Видишь какіе они желтозобые! Подожди до вечера, спроси у старшихъ! . . .

Группа молодыхъ засмѣялась. Въ своихъ внутреннихъ счетахъ никто изъ нихъ не былъ особенно расположенъ уважать авторитеты

и самые молодые часто съ ожесточеніемъ грызлись зубъ за зубъ съ наиболѣе старыми и опытными теоретиками.

Спицынъ молча и ожесточенно тянулъ папироску.

— Что разсказывать? — процѣдилъ онъ, наконецъ, отвѣчая на вопросъ Жбана. — Шелъ въ пиръ Гаврило, подаренъ въ рыло! Только всего . . .

— Это все присказки. Сказки впереди!... — живо отвѣтилъ Безпаловъ.

У нихъ, повидимому, существовалъ особый языкъ, непонятный для непосященныхъ.

— А кто у нихъ постарше? — спросилъ Жбанъ, обращаясь въ Мармольскому. — Развѣ есть еще?

— Цѣлая куча! — сказалъ Мармольскій. — Збукаревъ, Рамасовъ ... Тѣ и постарше, и поумнѣе ... Еще Быяхеръ, Брамсъ ... Видишь, сколько ихъ принесло. Вечеромъ будемъ въ городѣ, такъ увидишь всѣхъ . . .

— Ну, такъ пойдемъ по ягоды! — сказалъ Жбанъ. — Ребята, на подножный кормъ! ...

Предложеніе было встрѣчено единодушнымъ одобреніемъ. Гости повставали съ мѣстъ и отправились въ амбаръ за лукошками, кото-

рыя тоже были у Жбана запасены въ достаточномъ количествѣ.

— Куляпка, бери ружье! — кричалъ Жбанъ. — Пойдемъ на охоту! Онъ былъ въ превосходномъ настроеніи духа въ виду предстоящей прогулки.

Но Куляпки не было видно. Его стали искать всей компаніей и нашли въ конской загородкѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ, гдѣ онъ крѣпко спалъ, растянувшись на свѣжемъ сѣнѣ. Надо замѣтить, что изгороди для коней и коровъ были у Жбана въ полномъ порядкѣ, хотя онъ не собрался купить еще ни одной кляченки.

Увидѣвъ спящаго Куляпку, Рязановъ и Полтавскій ощутили непредолимое стремленіе послѣдовать его примѣру и, недолго думая, растянулись рядомъ, отказываясь отъ путешествія въ лѣсъ.

Загородныя прогулки городскихъ старожиловъ почти всегда кончались такимъ образомъ и можно было подумать, что они пріѣзжаютъ въ Погорѣльцы изъ пыльныхъ и душныхъ городскихъ нѣдръ главнымъ образомъ для того, чтобы хорошенько выспаться на

лонѣ природы, какъ будто въ городѣ нельзя даже спать, какъ слѣдуетъ.

Жбанъ, впрочемъ, при видѣ этого сонливаго тріо почувствовалъ себя еще свободнѣе. На случай какой-нибудь непредвидѣнной надобности Марья Петровна могла прибѣгнуть къ мужской помощи.

Лѣсная полоса начиналась по другую сторону Погорѣлскаго большого поля, верстахъ въ трехъ отъ усадьбы. Холмистая гряда выступала впередъ невысокимъ, но довольно крутымъ мысомъ, какъ будто обрубленнымъ спереди. На самомъ крутомъ мѣстѣ уходила вверхъ чуть замѣтная дорожка, протоптанная цѣпкими ногами годовалыхъ жеребятъ, которые чуть не ежедневно уходили изъ табуна и, перепрыгнувъ черезъ кое-какъ сложенную изгородь, взбирались на гору и уходили вглубь лѣса, къ великому отчаянію пастуховъ, которымъ приходилось потомъ тратить массу времени на безцѣльные поиски. Замѣчательно, что въ сотнѣ шаговъ направо былъ гораздо болѣе отлогій подъемъ, но жеребята имъ видимо пренебрегали, такъ какъ тамъ не было видно ни одного копытнаго слѣда. Публика

остановилась въ нѣкоторомъ недоумѣніи передъ этимъ затруднительнымъ подъемомъ.

— Что же? — сказалъ рѣшительно Янесъ. — Кони взлѣзаютъ, взлѣземъ и мы! . . .

Фокинъ, который выросъ на Кавказѣ и привыкъ къ горамъ, выкинулъ неожиданный tour de force. Посадивъ на плечи Зубцова, самого тонкаго и легкаго изъ товарищей, онъ сталъ взбираться вверхъ по вертикальной тропинкѣ съ такой увѣренностью, какъ будто это была ровная садовая аллея. На половинѣ дороги была небольшая площадка поотложе, гдѣ можно было бы отдохнуть, но онъ пренебрегъ ею и спустилъ Зубцова на землю уже наверху, въ лѣсу. Остальная публика, несмотря на отсутствіе ноши, опять отстала отъ силача, тѣмъ болѣе, что пользучая трава, мѣстами застилавшая дорожку, была необыкновенно скользка и очень коварно вела къ тому, что каждый неосторожный шагъ разрѣшался неожиданнымъ путешествіемъ внизъ.

Вся почва на горѣ среди сосноваго лѣса была покрыта сплошнымъ брусничникомъ. Черезъ пять минутъ все общество сидѣло и даже лежало на землѣ, угощаясь наполовину созрѣвшей брусникой. Ягодъ было такъ

много, что можно было выбирать только самыя спѣлыя. Фокинъ вытянулся во весь ростъ и обиралъ крупныя темнокрасныя ягоды прямо ртомъ, рядомъ съ Вестой, которая тоже была неравнодушна къ брусникѣ и не отставала отъ другихъ. Жбанъ, однако, не сталъ терять времени на такое суетное времяпрепровожденіе и, кликнувъ собаку, углубился въ чащу.

Набивъ оскомину брусникой, молодые люди принялись изслѣдовать лѣсъ съ такимъ тщаніемъ, какъ будто онъ достался имъ въ полную собственность. Фокинъ влѣзалъ чуть не на каждое высокое дерево и, добравшись до вершины, дѣлалъ залазье, обламывая рядъ вѣтвей кругомъ верхушки въ видѣ обычнаго знака, который охотники оставляютъ, какъ примѣту, въ лѣсной глуши. Янесъ, въ свою очередь, вырѣзывалъ свои иниціалы внизу на стволахъ аршинными буквами. Другіе переходили съ одного лѣсистаго холма на другой, уходили и возвращались, спускались въ ущелья и опять поднимались на верхушки, попробовали даже, безъ всякой видимой надобности, спуститься внизъ по той же дорожкѣ, которая, однако, тотчасъ заставила ихъ совершить пу-

тешествіе съ гораздо большей скоростью, чѣмъ это входило въ ихъ планы, и черезъ четверть часа они уже снова лѣзли вверхъ.

Янесъ собирался опять спускаться, когда явился Жбанъ со своей собакой. Онъ былъ очень золъ. Два раза ему пришлось стрѣлять по тетеревамъ и, какъ на грѣхъ, оба раза мимо. Онъ съ горечью думалъ о томъ, что отсутствіе упражненія лишило его руку необходимой вѣрности и сгоряча чуть не далъ себѣ обѣщаніе отказаться отъ охоты, но тотчасъ же передумалъ и, напротивъ того, рѣшилъ ежедневно заниматься стрѣльбой въ цѣль.

Веста, напротивъ, оказалась на высотѣ призванія и успѣла задавить молодого зайца, за что, впрочемъ, вмѣсто похвалы удостоилась только пинка. Жбанъ такъ ревниво относился къ своей охотничьей удачѣ, что способенъ былъ завидовать даже собственной собакѣ. Въ вастоящую минуту и хозяинъ, и собака имѣли очень скучный и разочарованный видъ.

Свѣтлая игла, сѣверной ночи уже висѣла надъ лѣсомъ, и когда, наконецъ, компанія до-

бралась до Погорѣльцевъ, было такъ поздно, что о путешествіи въ городъ нельзя было и думать. Всѣ устали до-нельзя и съ нѣжностью мечтали о тѣхъ импровизированныхъ постеляхъ, которыя недавно служили мѣстомъ отдыха Куляпкѣ съ товарищами. Жбанъ принесъ изъ своего неистощимаго амбара свертокъ половиковъ, плетенныхъ изъ мягкой травы, и бросилъ его на сѣно, но гости не хотѣли заботиться о подстилкахъ или покрывалахъ и уже лежали на сѣнѣ, какъ будто сраженные громомъ, въ самыхъ неестественныхъ позахъ, наполняя изгородъ звучнымъ и разнообразнымъ храпомъ всѣхъ носовыхъ тембровъ и оттѣнковъ.

На другой день повторилась та же программа, съ той разницей, что вмѣсто одного раза купались дважды. Но задолго до вечера все общество стало собираться въ городъ. Марья Петровна со своей дочкой должна была остаться совершенно одинокою въ безлюдной усадьбѣ. Она, впрочемъ, была не трусливаго десятка и имѣла случай испытать одиночество въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Теперь же вдоемъ съ Марылькой она чувствовала себя еще храбрѣе

и это крошечное существо какъ-то служило ей одновременно и обществомъ, и охраной.

На всякій случай въ изголовьи Жбановой постели висѣлъ заряженный револьверъ. Въ округѣ не было недостатка въ худыхъ людяхъ, а изъ лѣсу могъ, пожалуй, забѣжать волкъ, хотя, въ сущности, ни лихому человѣку, ни волку незачѣмъ было приходить на Погорѣльцы.

II.

Въ квартирѣ Куляпки уже было людно. Маленькій человѣкъ за три рубля въ мѣсяцъ занималъ цѣлый домъ съ огромнымъ дворомъ, и его жилище служило прибѣжищемъ для каждаго желающаго. Новопріѣзжіе ссыльные останавливались здѣсь, какъ въ безплатной гостинницѣ; люди, пріѣзжавшіе въ городъ изъ ближайшихъ поселковъ, покончивъ свои дѣла въ теченіе дня, вечеромъ приходили сюда въ полной увѣренности обрѣсти ночлегъ.

Мастерская была въ пристройкѣ. Домъ состоялъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ коморокъ и большой комнаты, исполнявшей, по мѣрѣ надобности, обязанности то дортуара, то залы.

Нѣсколько разъ въ году здѣсь устраивались полуимпровизированные танцовальные вечера, и съ годъ тому назадъ съ большимъ

оживленіемъ была сыграна свадьба молодой пріѣзжей четы.

Въ настоящую минуту большая комната служила мѣстомъ обмѣна мнѣній не хуже любого парламента, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что слушатели въ то же самое время являлись и устроителями, и участниками преній, а гостей и постороннихъ лицъ не было.

У передней стѣны стоялъ деревянный некрашенный столъ, со всѣхъ сторонъ обставленный стульями и скамьями, кромѣ той стороны, которая была обращена къ публикѣ. Больше же не было никакой мебели, если не считать нѣсколькихъ деревянныхъ обрубковъ, на которыхъ помѣщалось соотвѣтственное число гостей. Нѣкоторые сидѣли на порогахъ двухъ дверей, выводившихъ изъ комнаты, а другіе помѣстились прямо на полу, бросивъ подъ себя первую попавшуюся подъ руки подстилку, одѣяло, халатъ, или просто кусокъ грубаго холста. Поближе у стола сидѣли новопріѣзжіе и вообще люди помоложе. Они были участниками и руководителями препирательствъ и уже третій вечеръ занимались или съ упоеніемъ, совершенно

забывая окружающую дѣйствительность и условія времени о мѣста. Ихъ было человѣкъ десять, и лица ихъ поражали пестротой. Бѣлокурый, кудрявый ярославецъ, сталкивался здѣсь съ черномазымъ грузиномъ, а маленькій горбатый нѣмецъ сидѣлъ рука въ руку съ долговязымъ рыжимъ евреемъ, не чувствуя отъ этого никакого неудобства.

Взгляды ихъ были не менѣе, если не болѣе пестры. Жестокій пессимистъ, утверждавшій, что все существующее создано демономъ Зла въ наказаніе еще не родившимся поколѣніямъ, сталкивался съ послѣдовательнымъ оптимистомъ, находившимъ хорошую сторону въ самыхъ прискорбныхъ вещахъ. Спиритуалистъ могъ спроситъ съ сенсуалистомъ, а экономическій матеріалистъ натыкался на приверженца „героевъ въ исторіи“.

Впрочемъ, настоящаго разнообразія было меньше, чѣмъ пестроты. Во-первыхъ, четверо новопріѣзжихъ придерживались общей соціальдемократической программы; всѣ другіе принадлежали къ промежуточному поколѣнію и имѣли эклектическое міросозерцаніе, стараясь совмѣстить несовмѣстимыя вещи.

Теоретическій приверженецъ субъективнаго метода въ исторіи выговаривалъ за собой право обсуждать вопросы текущей жизни съ точки зрѣнія реальныхъ интересовъ, а философскій пессимистъ съ нескрываемымъ увлеченіемъ доказывалъ, что волна общественнаго настроенія идетъ на прибыль.

Поодаль отъ стола сидѣли люди постарше. Эти приходили поздно, такъ какъ дни ихъ были заняты службой или дѣломъ, дававшимъ хлѣбъ, и даже составъ ихъ не совпадалъ изо дня въ день.

Тѣмъ не менѣе, здѣсь было какъ-то больше однообразія въ наружности, можетъ быть, потому, что теченіе возраста и долговременное пребываніе въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни успѣло сгладить рѣзкость первоначальныхъ различій. Были здѣсь, правда, люди большіе и маленькіе, плотные и худощавые; на однихъ головахъ блестѣли обширныя лысины, лица другихъ были окаймлены не менѣе обширной бородой, а третьи соединяли и то, и другое; но всѣ эти индивидуальные признаки какъ будто полиняли и стерлись подъ вліяніемъ общности положенія.

Люди, сидѣвшіе у стола, въ качествѣ профессіи имѣли только частное учительство, составляющее естественное призваніе каждаго россійскаго интеллигента, котòрому нечего ѣсть; но уроки были только у двухъ — трехъ, не говоря о пріѣзжихъ, которые въ настоящую минуту менѣе всего думали о пріисканіи рода занятій, поглощенные разрѣшеніемъ міровыхъ и всероссійскихъ судебъ.

Люди, сидѣвшіе поодаль, въ свое время тоже были на амплуа „безъ опредѣленныхъ занятій“, но теперь они занимались самыми разнородными дѣлами, такъ что жизнь, сгладивъ ихъ индивидуальное разнообразіе, какъ будто взамѣнъ разсадила ихъ у самыхъ различныхъ своихъ колесъ. Двое были писцами въ судѣ, двое — фельдшерами, одинъ — помощникомъ аптекаря, одинъ служилъ у фотографа; одинъ по просту стоялъ за прилавкомъ и съ аршиномъ въ рукахъ расхваливалъ покупательницамъ превосходныя качества вновь полученныхъ матерій. Нѣсколько человѣкъ, подобно Жбану, занимались хозяйствомъ на клочкахъ земли въ подгородныхъ мѣстностяхъ. Нѣсколько другихъ занимались ремеслами, которыя имъ удалось изу-

чить въ тюрьмахъ и на каторгѣ. Одинъ служилъ даже въ пожарной командѣ, занимая какую-то мудреную должность съ нѣмецкимъ названіемъ, вродѣ бранд-цехмейстера, а одинъ былъ надсмотрщикомъ на бойнѣ.

Однако, и эти люди ни за что не хотѣли быть только слушателями. Въ будни ихъ являлось меньше, но въ праздники они приходили въ большомъ числѣ и тогда вносили въ пренія небывалую страстность, создавая своими возраженіями настоящую обструкцію и мѣшая „правильному обсужденію вопросовъ".

Гости изъ Погорѣльцевъ вошли и размѣстились между другими. Жбанъ со сверстниками примостился въ группѣ, сидѣвшей потурецки на сѣромъ рядѣ, разосланномъ въ самомъ дальнемъ углу. Выводокъ молодыхъ людей видимо тяготѣлъ къ столу, но тѣсниться впередъ не захотѣлъ и занялъ посредствующее положеніе на ящикахъ, которые Фокинъ извлекъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ закоулковъ. Фокинъ сдѣлалъ больше. Онъ сходилъ на задній дворъ и притащилъ оттуда двѣ огромныя доски, которыя, будучи положены на обрубки дерева, довольно удовлетворительно изображали скамьи и дали доста-

точно мѣста всѣмъ, сидѣвшимъ на полу. Впрочемъ, кучка, гдѣ сидѣли Жбанъ и Куляпка, отнеслась съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ улучшительной дѣятельности Фокина и не захотѣла покинуть свое положеніе на ряднѣ.

Высокій, худощавый человѣкъ съ жидкой темнорусой бородкой и сильно выдающимся кадыкомъ исполнялъ обязанности предсѣдателя. Фамилія его была Пивоваръ, и о національности его достаточно свидѣтельствовали изогнутая линія большого, тонкаго носа и меланхолическій взглядъ сѣрыхъ, слегка прищуренныхъ глазъ.

Несмотря на свою фамилію, онъ не имѣлъ никакого отношенія ни къ пиву, ни къ вину, и нѣкогда былъ учителемъ городскаго училища, а въ настоящее время не искалъ и не имѣлъ занятій, а весь погрузился въ дебри политической экономіи, занимаясь въ то же время практическимъ аскетизмомъ, такъ какъ обѣдать ему приходилось далеко не каждый день.

Его всегда выбирали предсѣдателемъ на такихъ собраніяхъ, такъ какъ онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ угадывать, когда можно быть

строгимъ и принуждать ораторовъ къ правильному чередованію, а когда лучше не вмѣшиваться и предоставлять расходившіяся страсти толпы ихъ естественному теченію. Передъ нимъ лежала бумажка, на которой записывались имена желающихъ говорить, и стаканъ съ металлической ложечкой, вмѣсто колокольчика.

Слово принадлежало Збукареву, одному изъ тѣхъ новопріѣзжихъ, о которыхъ Мармошка вчера говорилъ, что они постарше.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, съ благообразнымъ лицомъ, которое нѣсколько портилъ длинный носъ, острый у переносицы, но утолщавшійся къ концу въ видѣ несомнѣнно славянской картошки. Его полныя и румяныя губы были украшены очень жидкими русыми усами, которые въ гармоніи съ носомъ тоже утолщались къ концамъ и образовали надъ углами рта двѣ щетки, нѣсколько похожія на бѣлильныя кисти въ миніатюрѣ. Онъ говорилъ связно и когда полагалъ, что его аргументы могутъ показаться сомнительными, голосъ его получалъ какую-то особую отчетливость, какъ будто онъ хотѣлъ подчер-

кнуть, что сомнѣніе ни къ чему не ведетъ, такъ какъ его слова представляютъ неопровержимую и общепризнанную истину.

— Господа! — началъ онъ. — Я уже говорилъ вчера, что огромное преимущество соціальдемократическаго ученіи состоитъ въ томъ, что оно опирается не на субъективное хотѣніе той или другой группы людей, а на объективное движеніе фактовъ, которое развивается съ такой же закономѣрностью, какъ астрономическія явленія. Новое ученіе есть только отраженіе въ человѣческихъ умахъ этого объективнаго движенія вещей и, опираясь на него, получаетъ совершенно особую силу. Переходя къ характеристикѣ этого объективнаго процесса, я сказалъ, что онъ, какъ и всякій общественный процессъ, представляетъ дифференціацію и интеграцію, причемъ первая необходимо предшествуетъ послѣдней. Такимъ образомъ, процессъ общественной дифференціаціи, разслоенія на классы, совершающійся въ Россіи теперь на нашихъ глазахъ, долженъ считаться явленіемъ прогрессивнымъ, тѣмъ болѣе, что уже теперь онъ создаетъ себѣ необходимую антитезу въ видѣ реальныхъ и идейныхъ элементовъ для

процесса высшей интеграціи, который несомнѣнно будетъ дѣломъ ближайшаго будущаго.

Главнымъ дѣятелемъ этой дифференціаціи является капитализмъ, который такимъ образомъ долженъ быть признанъ дѣятелемъ несомнѣнно прогрессивнымъ, какъ бы ни были непривлекательны его проявленія для поверхностнаго взгляда, и первымъ актомъ его дѣятельности роковымъ образомъ является уничтоженіе всѣхъ остатковъ предшествующаго строя, который рухнулъ уже тридцать пять лѣтъ назадъ, но до сихъ поръ загромождаетъ своими развалинами арену общественной жизни. Съ экономической точки зрѣнія, наиболѣе крупнымъ облокомъ его является поземельная община, съ тѣми историческими наростами, которые, въ сущности, всегда придавали главный смыслъ ея существованію, т. е. съ податнымъ переобремененіемъ и круговой порукой; и чѣмъ скорѣе эти тройственныя путы исчезнутъ, тѣмъ будетъ легче капитализму идти впередъ . . .

Изъ среды слушателей у задней стѣны послышался неодобрительный ропотъ. Каждое слово оратора внушало имъ отвращеніе; его

аргументы и самый способъ его мышленія казались имъ до такой степени чуждыми и ненавистными, что они готовы были бы сорвать пренія, если бы на горькомъ опытѣ не убѣдились, что каждое проявленіе такого негодованія влечетъ за собой самые непріятные инциденты, такъ какъ новые держались дружно и отнюдь не уступали въ зубастости старымъ.

Впрочемъ, Рязановъ не вытерпѣлъ и довольно громко сказалъ: „ерунда!“ Но послѣ строгаго взгляда предсѣдателя, уже поднявшаго надъ своимъ стекляннымъ колокольчикомъ импровизированное клепало изъ польскаго аржентина, онъ закрылъ свой ротъ, открытый для новаго замѣчанія, и непринужденно раскинулся на рядѣ, упираясь спиной въ стѣну.

— Вы говорите: ерунда? — переспросилъ Збукаревъ, — но я докажу вамъ, что это правда! . . .

Цѣлый рядъ жестокихъ инвективъ противъ общины послѣдовалъ за этими словами. Онъ одновременно обвинялъ ее въ томъ, что она задерживаетъ процессъ разрозненія различныхъ крестьянскихъ слоевъ, и утверждалъ,

что она представляетъ только рамки для разрушенія малосильныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя лишаются въ ея предѣлахъ оборотнаго капитала, т. е. средствъ къ прокормленію работника и рабочаго инвентаря. Больше всего онъ обвинялъ общину за то, что она прикрѣпляетъ къ себѣ почти нерасторжимыми узами людей, уже ушедшихъ въ города или могущихъ уйти туда. Не менѣе ревностно онъ доказывалъ, что община мѣшаетъ прогрессу въ области земледѣлія и что на владѣльческихъ земляхъ, изъятыхъ отъ ея дѣйствія, урожаи лучше и равномѣрнѣе.

Негодованіе противоположной группы обострилось. Рязановъ поднялся на ноги, желая начать возраженія, но его предупредилъ бѣлокурый молодой человѣкъ изъ числа сидѣвшихъ у стола.

— Очередь моя! — сказалъ онъ, обращаясь къ Пивовару и показывая мѣсто на бумажкѣ записей. — Я хочу говорить! . . .

Онъ началъ говорить, и рѣчь его полилась почти такъ же складно, какъ и рѣчь его предшественника. Однако онъ не сталъ разсматривать основного положенія предшествующей рѣчи и ограничился критикой ея отдѣль-

ныхъ частей. Онъ былъ арестованъ только на полтора года раньше Збукарева, и соціальдемократическая теорія успѣла занять мѣсто въ его міросозерцаніи.

Онъ доказывалъ, что въ современной экономической жизни община вовсе не является такимъ огромнымъ факторомъ, что въ сущности она не играетъ ни положительной, ни отрицательной роли сколько-нибудь виднаго размѣра. Положительной не играетъ потому, что не можетъ воспрепятствовать самому мелкому изъ фактовъ разрушенія малосильныхъ хозяйствъ, а отрицательной не играетъ потому, что и въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ о б щ и н ы, косность земледѣльческихъ пріемовъ и прикрѣпленіе къ о б щ е с т в у имѣетъ постоянно мѣсто.

Онъ доказывалъ, что въ сущности для капитализма существованіе общины практически неважно, такъ какъ и при ней онъ получаетъ матеріалы для развитія и роста сверху и снизу въ большомъ избыткѣ, — и заявлялъ, что, по его мнѣнію, будущая судьба общины еще не опредѣлилась, такъ какъ неизвѣстно, какъ могла бы она сложиться, освобожденная отъ путъ, и не смогла бы ли она, въ концѣ кон-

цовъ, послужить даже для соціальдемократическаго движенія въ качествѣ небезполезнаго партизанскаго союзника.

Въ его словахъ было много смысла, но люди у задней стѣны слушали эту рѣчь съ такимъ же, если не большимъ неудовольствіемъ, какъ и предыдущую. Умаленіе общины и какъ будто бы извиняющійся тонъ говорившаго казались имъ хуже даже открытаго враждебнаго отношенія. Въ экономическомъ міросозерцаніи бѣлокураго молодого человѣка заключалось желаніе сѣсть между двухъ стульевъ, которые ни за что не хотѣли сдвигаться вмѣстѣ.

Рязановъ не далъ даже ему закончить рѣчи и яростно налетѣлъ на обоихъ говорившихъ.

Онъ выразилъ удивленіе тому, что соціальдемократы въ водоворотѣ общественной жизни, гдѣ такъ много враждебныхъ имъ силъ, выбираютъ почему-то общину, которая, во всякомъ случаѣ, новой доктринѣ и ея представителямъ не дѣлала никакого вреда. Потомъ онъ замѣтилъ, что защищать общину, замазывая ея значеніе, есть пріемъ, недостойный предмета. Онъ, съ своей стороны, считаетъ, что общинное землевладѣніе опредѣ-

ляется своеобразными условіями русской экономической, географической, исторической и расовой жизни и что во всей русской дѣйствительности она является единственнымъ источникомъ, откуда можетъ выйти дѣйствительно прогрессивный экономическій строй, понимая прогрессъ не только въ смыслѣ накопленія богатствъ, но и въ смыслѣ ихъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія, т. е. соціалистическій строй. Нужно только положить предѣлъ разрушающему вліянію со стороны самодержавія для того, чтобы община, при свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ, сыграла, наконецъ, свою провиденціальную соціалистическую роль. Слова: положить предѣлъ онъ выговорилъ съ великолѣпной простотой. Можно было подумать, что онъ „захватилъ“ уже все бюрократическое могущество, уже сосредоточилъ его въ своихъ рукахъ и устраняетъ „разрушающее вліяніе со стороны самодержавія“ революціонными декретами, непреодолимая сила которыхъ направлена ко благу народа и преуспѣянію общины.

Полтавскій поднялся съ мѣста немедленно вслѣдъ за своимъ товарищемъ. Они постоянно

говорили другъ за другомъ, и онъ считалъ себя имѣющимъ несомнѣнное право слова, несмотря ни на какія записи очереди.

Онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, общины вовсе не существуетъ, такъ какъ значительно большая часть земель находится внѣ передѣла и такъ называемое общинное владѣніе есть то же частное владѣніе, ограниченное только нѣкоторыми стѣснительными постановленіями закона и не менѣе стѣснительными сервитутами.

Потомъ, переходя къ рѣчи своего предшественника, онъ выразилъ удивленіе, что можно по поводу такого вопроса говорить о географическомъ, этнографическомъ и расовомъ вліяніи. Во-первыхъ, самая суть этихъ вліяній не выяснена, а тѣмъ болѣе не измѣрена. Во всякомъ случаѣ, каковы бы они ни были, они остаются неизмѣняемыми и потому въ общественномъ развитіи не имѣютъ участія. Оно опредѣляется измѣненіемъ экономическаго процесса, самаго важнаго изъ всѣхъ и въ то же время единственнаго, измѣняющагося количественно и доступнаго измѣренію; остальные факторы, въ сущности, являются только

статистическими и къ общественной динамикѣ отношенія не имѣютъ.

Собственно говоря, послѣднія мысли, высказанныя ораторомъ, не имѣли непосредственнаго отношенія къ темѣ, стоявшей на очереди, но на это никто не претендовалъ. Идеи, высказанныя Полтавскимъ, во всякомъ случаѣ были составною частью новаго credo, и заодно съ общиной можно было обсуждать и ихъ.

„Выводокъ“ новоприбывшихъ соціальдемократовъ слушалъ рѣчи противниковъ и защитниковъ общины безъ особаго интереса. Правда, изъ общаго числа трое — это были рабочіе — писались крестьянами, но еще ихъ отцы покинули деревню, и сами они не знали, нужно-ли продолжать платить подати въ деревенскую общественную казну и нельзя-ли переписаться въ городское общество и стать настоящими городскими жителями. Для этихъ потомковъ безлошаднаго мужика община не была даже утѣснительницей, отъ которой нужно бѣжать, — такъ далеко они успѣли отойти отъ реальной деревни.

Въ самомъ разгарѣ преній объ общинѣ Янесъ тихонько всталъ и перешелъ въ тотъ

уголъ, гдѣ сидѣли на полу Жбанъ и Куляпка. Теоретическіе споры вообще мало увлекали его; больше всего онъ интересовался разсказами изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи и при каждомъ удобномъ случаѣ производилъ за ними охоту. Въ Погорѣльцахъ онъ имѣлъ случай разговориться съ Куляпкой и открылъ въ маленькомъ столярѣ цѣлый рудникъ воспоминаній и теперь хотѣлъ начать его разработку, не теряя золотого времени. Зубцовъ тоже послѣдовалъ за товарищемъ. Въ качествѣ ближайшаго пріятеля Янеса, онъ былъ коротко освѣдомленъ о его намѣреніяхъ и тоже находилъ, что разсказы Куляпки должны были быть гораздо интереснѣе всякихъ дебатовъ объ общинѣ.

Куляпка скучалъ невыразимо. Онъ чувствовалъ настоящую идіосинкразію ко всѣмъ отвлеченнымъ разсужденіямъ, хотя считалъ несоотвѣтственнымъ своему достоинству не присутствовать на подобныхъ преніяхъ. Къ разспросамъ Янеса онъ отнесся весьма благосклонно и немедленно началъ какой-то длинный и сложный разсказъ, по обыкновенію немилосердно путая и коверкая русскія и польскія слова. Юноши сидѣли по сторонамъ и

смотрѣли ему въ ротъ, но изъ-за стола протестовали. Рѣчь Куляпки, хотя и довольно тихая, нарушала теченіе преній, и, въ концѣ концовъ, ему пришлось переселиться со своими слушателями въ сосѣднюю комнату. Въ видѣ протеста онъ усѣлся у самаго порога около открытой двери и оттуда по временамъ все-таки доносились концы его фразъ въ самыхъ разнообразныхъ звуковыхъ и лексико-логическихъ сочетаніяхъ.

Вопросъ объ общинѣ, наконецъ, совершилъ свой обычный циклъ аргументаціи и слѣдовало перейти къ другому предмету.

Збукаревъ опять потребовалъ слова на томъ основаніи, что онъ не кончилъ своей рѣчи, будучи прерванъ возраженіями. Пивоваръ далъ ему право говорить безъ всякаго раздумья, такъ какъ онъ представлялъ для слушателей неизвѣстную величину, между тѣмъ какъ всѣ, прожившіе здѣсь больше полугода, успѣли наговориться и наспориться до-сыта.

— Я хочу только еще разъ подчеркнуть— сказалъ Збукаревъ, — что капитализмъ, увеличивая общественную дифференціацію, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ создаетъ у различныхъ классовъ общества потребность размежеваться съ большей опредѣленностью и выяснить свои классовые интересы: противополагая одни классы другимъ, капитализмъ вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ къ жизни различныя классовыя самосознанія вверху и внизу. Такимъ образомъ, общественное развитіе, которое въ докапиталистическій періодъ могло имѣть, такъ сказать, междуклассовой характеръ, отнынѣ должно развиваться въ рамкахъ классовой борьбы. Капитализмъ долженъ одновременно оформить и буржуазію, и пролетаріатъ. Интерсы прогресса, соединяясь съ интересами рабочаго класса, получаютъ совершенно опредѣленную базу, которой имъ не доставало раньше. . . .

Бѣлокурый молодой человѣкъ и Полтавскій хотѣли одновременно возражать, но Пивоваръ рѣшительно воспротивился этому. Очередь принадлежала горбатому нѣмцу Ригелю, уже нѣсколько разъ порывавшемуся вставить свое слово въ общее теченіе спора. Впрочемъ, и на этотъ разъ ему не удалось осуществить свое желаніе. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, къ столу подошелъ высокій человѣкъ, одинъ изъ сидѣвшихъ у стѣны, и на-

чалъ торопливо говорить, обращаясь даже не къ публикѣ, а къ предыдущему оратору.

Наружность его была довольно замѣчательна. Лицо его изрыто было морщинами и увѣнчано шапкой совершенно сѣдыхъ волосъ. Короткая, густая борода тоже была вся сѣдая, но глаза сохранили такой юношескій блескъ, какъ будто для души, глядѣвшей оттуда, послѣднія два десятилѣтія вовсе не существовали. Вся его фигура, несмотря на сѣдины, имѣла въ себѣ даже нѣчто львиное, но это былъ левъ изъ клѣтки, тощій, ободранный, болѣе похожій на львиный призракъ, чѣмъ на настоящаго вольнаго льва.

— Это гибельное заблужденіе! — заговорилъ онъ, размахивая руками опять-таки съ чисто-юношеской энергіей. — Направлять свой взглядъ въ одинъ ограниченный уголъ!.. Воззрѣніе дѣйствительно творческое ищетъ себѣ адептовъ, не обращая вниманія на перегородки и, гдѣ находитъ ихъ, тамъ и беретъ. Мы должны имѣть въ виду соединеніе всѣхъ элементовъ и не пропускать ни одного изъ нихъ . . . Только такая неусыпная чуткость даетъ несокрушимую опору. . .

Збукаревъ насмѣшливо прищурился. — Кто это м ы? — спросилъ онъ съ ехиднымъ выраженіемъ въ углахъ рта.

— Мы — интеллигенція! сказалъ сѣдой человѣкъ. Естественный союзъ россійскихъ интеллигентовъ — вполнѣ опредѣленное м ы. Единственная реальная прогрессивная сила, если хотите знать! . .

— Ого! — сказалъ Збукаревъ. — Блаженъ, кто вѣруетъ! Но гдѣ же ваша точка опоры, господа интеллигентные Архимеды? Развѣ такой „естественный союзъ“ стоитъ чего-нибудь безъ другихъ, болѣе широко лежащихъ слоевъ? . .

— Наша точка опоры — вотъ! — сказалъ Сѣдой, ударивъ себя въ грудь.

— Браво! — не вытерпѣлъ кто-то сзади, но Збукаревъ продолжалъ улыбаться все такъ же недовѣрчиво.

Глаза Сѣдого вдругъ вспыхнули негодованіемъ, и онъ съ силою ударилъ кулакомъ по столу.

— Вамъ смѣшно? — крикнулъ онъ запальчиво. — Знаете-ли вы, что̀ сюда вложено, въ

эту вѣру? . . . Душа! . . . Жизнь! . . . Вся кровь изъ сердца, весь сокъ изъ нервовъ! . .

Збукаревъ молчалъ.

— За эту вѣру люди на рожонъ лѣзли! — кричалъ Сѣдой. — Лбомъ стѣну прошибали! . . . Пыль на тракту пѣшими ногами утаптывали! — на эшафотъ шли! Знаете вы, сколько лежитъ при дорогѣ? . . .

— Всѣхъ насъ одинаково шлютъ въ Сибирь! — сказалъ Збукаревъ нѣсколько глухимъ голосомъ. — Что вы намъ глаза колете? Мы вѣдь тоже получили на свою долю! . . .

— Кто вы такіе? — кричалъ Сѣдой, не слушая. — Вы смѣетесь надъ интеллигенціей . . . Позвольте васъ спросить: вы сами, на кого вы опираетесь? . . .

— Мы опираемся на рабочій классъ! сказалъ Збукаревъ увѣренно. — Только мозолистыя руки достаточно сильны, чтобы толкать исторію впередъ! . .

Лохматый Жбанъ вдругъ приподнялся съ рядна и тоже подошелъ къ столу.

— Вотъ мозолистая! — сказалъ онъ, кладя предъ Збукаревымъ свою огромную лапу съ потрескавшейся кожей и толстыми, плохо сгибавшимися пальцами.

— Теперь покажи свою! — прибавилъ онъ, безцеремонно дѣлая попытку притянуть руку Збукарева на то же мѣсто стола.

У стѣны послышался смѣхъ. Збукаревъ раньше былъ писцомъ страхового общества, много писалъ и для собственной надобности, и руки его были вѣчно запачканы въ чернилахъ.

— Это ничего не значитъ! — возразилъ онъ, сохраняя полное спокойствіе. — „Спросите не меня, но пославшихъ меня!“ Дайте срокъ, вы увидите все, что слѣдуетъ! . .

Горбунъ опять сдѣлалъ попытку завладѣть рѣчью, но такъ же неудачно, какъ прежде. Люди у стѣны, раздраженные послѣдними возраженіями Збукарева, которыя въ ихъ ушахъ звучали положительно святотатствомъ, прямо узурпировали сегодня право слова.

Послѣ Сѣдого къ столу подошелъ коренастый человѣкъ, черный, какъ жукъ, съ коротко остриженной головой, большимъ, блестящимъ, выпуклымъ лбомъ и большими, черными, выпуклыми глазами.

Пивоваръ попробовалъ было остановить его, но потерпѣлъ неудачу и благоразумно стушевался, ожидая, пока успокоится буря.

— Мы не видимъ здѣсь никакихъ представителей рабочаго класса! — рѣзко сказалъ Черный. — Тѣ же интеллигенты которыхъ хотимъ считать своими товарищами, хотя они стараются отречься отъ старыхъ традицій! . .

— Никто не отрекается! — возразилъ Збукаревъ. — Вы не такъ поняли! . .

— По моему, — перебилъ Сѣдой, — у васъ не можетъ быть ни настоящей вѣры, ни настоящаго энтузіазма! Ваши рѣчи звучатъ до тѣхъ поръ, пока вы не наткнулись на подводный камень.

— Гдѣ рабочіе? — настаивалъ Черный. — Покажите ихъ! . .

Возбужденіе спора какъ будто даже опьяняло его.

„Выводокъ" зашевелился. — Вотъ, смотрите! — сказалъ Фокинъ, неторопливо подымаясь съ мѣста и дѣлая рукой широкій жестъ вокругъ себя. — Я и грамотѣ-то выучился только по восемнадцатому году, — прибавилъ онъ послѣ минутной паузы.

Наступило неловкое молчаніе. Спицынъ подошелъ къ столу и отодвинувъ въ сторону Збукарева, занялъ его мѣсто передъ столомъ.

— Чортъ васъ возьми! — началъ онъ прямо и грубо. — Такъ вы у насъ паспорта спрашиваете? Нате, смотрите!

Онъ хлопнулъ обѣими ладонями по столу.

— Вотъ они! — продолжалъ онъ выразительно. — Вотъ наши паспорта! Черные . . . всѣ въ сажѣ . . . Наши-то всякихъ господскихъ почернѣе будутъ! . .

Дѣйствительно, руки его были несоразмѣрно велики и гораздо болѣе покрыты рубцами и мозолями, чѣмъ даже руки Жбана, предъявленныя въ видѣ вещественнаго аргумента. Въ ихъ порахъ и трещинахъ вмѣсто земли чернѣлъ неизгладимый осадокъ масла, сажи и мелкихъ желѣзныхъ опилокъ.

— Вы, значитъ, интеллигенты? — протянулъ онъ съ убійственной ироніей. — А мы не интеллигентны! . . — Слово: интеллигенты онъ произносилъ какъ-то особенно обидно.

— Что жъ, конечно! Насъ смолоду никто не кормилъ и никто не училъ! . . Сами себѣ хлѣбъ добывали! Всѣ пальцы объ напилокъ пообтирали! . .

Онъ стукнулъ по столу сложенными пальцами, которые упали на дерево сухо и рѣзко, какъ кость.

— Но только вы не думайте! . . Хоть мы не интеллигенты, а тоже грамотные . . . Сами за себя подписываемся, никого не просимъ!..

Онъ опять стукнулъ пальцами о столъ.

— Будьте благонадежны! Подпишемся! . . Этими самыми пальцами . . . , господа интеллигенты! . .

Онъ остановился и обвелъ собраніе взглядомъ непримиримаго вызова и злости.

Но вся публика разразилась единодушными и оглушительными рукоплесканіями. Въ первый разъ за эти три дня дебатовъ старые и новые сошлись въ одобреніи именно тамъ, гдѣ этого менѣе всего можно было ожидать.

Сѣдой, блестя глазами, сорвался съ мѣста и подбѣжалъ къ Спицыну. — Я этого не говорилъ! — кричалъ онъ. Подписывайтесь! Въ добрый часъ! Честь и мѣсто! Идите въ ряды революціи! . . Мы давно ждемъ! . .

Спицынъ смотрѣлъ все такъ же сурово.

— Вотъ вамъ моя рука! — кричалъ Сѣдой, протягивая руку.

— Моя въ сажъ! — повторилъ Спицынъ свои прежнія слова.

— А моя безъ сажи, — возразилъ Сѣдой, — но это не помѣшаетъ намъ идти рука объ руку.

Черный тоже подошелъ и сталъ доказывать Спицыну, что такіе люди, какъ онъ, именно и принадлежатъ къ интеллигенціи.

Спицынъ опять свирѣпо блеснулъ глазами, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ выговорить хоть слово, отъ двери послышался громкій и отчетливый возгласъ Янеса: „Вотъ такъ весело жить на свѣтѣ!“ — послѣдовавшій, какъ отвѣтъ на одинъ изъ разсказовъ Куляпки.

И онъ, и Зубцовъ такъ увлеклись этими разсказами, что не обратили вниманія даже на эпизодъ съ „руками“, и когда столяръ заглянулъ въ комнату, чтобы узнать причину рукоплесканій, заставили его чуть не силой вернуться на мѣсто и возобновить прерванную нить.

Публика заинтересовалась. Повидимому, ей представлялся удобный случай дивертисмента между серьезныхъ бесѣдъ.

— Надъ чѣмъ вы веселитесь? — спросилъ Жбанъ черезъ комнату. — Куляпка, что ты тамъ разсказываешь? Иди сюда! . .

Столяръ просунулъ свою голову въ дверь, но перейти черезъ порогъ не захотѣлъ; онъ все еще дулся за свое недавнее изгнаніе.

Тѣмъ не менѣе, по требованію публики, онъ повторилъ свой разсказъ. Это былъ разсказъ объ одномъ героическомъ эпизодѣ революціонной борьбы, но, конечно, подробности его могли такъ же мало назваться веселыми, какъ разсказы о Шипкѣ или о завоеваніи Кавказа.

— Отчего же вамъ весело? — повторилъ Жбанъ, обращаясь къ Янесу и выражая общее недоумѣніе.

— Не мнѣ весело! — пояснилъ юноша. — А жить на свѣтѣ весело, когда люди живутъ такъ! . .

Онъ былъ очень хорошъ въ эту минуту. Онъ и конфузился, и пылалъ восторгомъ. Не только глаза, но и щеки, и даже уши у него горѣли отъ прилива крови. Руки нервно перебирали полу одежды, не зная, куда дѣваться. Ему не стоялось на мѣстѣ отъ воз-

бужденія, и онъ все переступалъ съ ноги на ногу.

— Вотъ вамъ еще отвѣтъ! — сказалъ Збукаревъ Сѣдому, указывая на юношу. — Какъ видите, мы не отрекаемся отъ традицій, но только хотимъ основать ихъ на болѣе широкой базѣ. И на энтузіазмъ мы тоже способны. . .

Человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ Збукаревымъ, поднялся и сказалъ нѣсколько словъ предсѣдателю.

— Слово принадлежитъ Рамасову! — провозгласилъ Пивоваръ, совершенно забывая о горбунѣ, которому опять пришлось, что называется, проглотить языкъ и дожидаться новой очереди.

Рамасовъ былъ пониже Фокина, но выглядѣлъ почти такъ же крѣпко. Лицо у него было узкое, длинное, съ крупными губами, крутымъ, высокимъ лбомъ, сдавленнымъ у висковъ, и живыми, голубыми глазами. Надъ верхней губой чуть пробивались темные усы, хотя ему было уже 26 лѣтъ.

— Господа! — сказалъ онъ. — Что спорить о теоріяхъ? Я думаю, что факты и дѣла интереснѣе словопреній. Если угодно,

я сообщу вамъ нѣкоторые факты изъ дѣйствительной практики нашего рабочаго движенія. . .

Въ публикѣ обнаружилось оживленіе. Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ у стѣны встали и подошли къ столу.

Рамасовъ неторопливымъ голосомъ началъ длинный перечень арестовъ, осужденій и ссылокъ, пестря свою рѣчь цифрами и именами городовъ, гдѣ распространилось соціальдемократ. движеніе. Онъ говорилъ на память и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ заглядывалъ въ крохотные листочки, которые извлекъ изъ своего кармана.

Публика слушала съ интересомъ, но у стѣны осталась-таки группа, которая не хотѣла сдаваться.

— Коли не врешь, такъ правда! — сказалъ человѣкъ, сидѣвшій по лѣвую руку отъ Жбана, обращаясь къ Рязанову.

Онъ говорилъ довольно явственно, однако не на столько, чтобы было слышно оратору у стола. Говорившій былъ Тутаенко, слесарь, принесшій свое ремесло съ собою, а не пріобрѣвшій его въ тюрьмѣ. Въ случаѣ надобности, онъ могъ бы предъявить пару та-

кихъ рукъ, которыя удовлетворили бы самымъ придирчивымъ требованіямъ. За то по отношенію къ соціальдемократическому движенію онъ проявлялъ непобѣдимое недовѣріе, и скептицизмъ его не сдавался передъ фактами и не стѣснялся въ выраженіяхъ.

Маленькій, черный Брамсъ и долговязый, рыжій Бляхеръ переговаривались о чемъ-то, стараясь умѣрить въ шопотъ гортанные звуки еврейскаго жаргона.

— Говори! — нетерпѣливо сказалъ Брамсъ, подталкивая своего длиннаго товарища. Онъ былъ гораздо болѣе живого темперамента, но къ сожалѣнію, вмѣсто русскаго языка, говорилъ на какомъ-то ужасномъ жаргонѣ, составлявшемъ невообразимую мѣшанину еврейскихъ, польскихъ и бѣлорусскихъ словъ. Даже діалектъ Куляпки въ сравненіи съ этимъ являлся идеально чистымъ.

Наконецъ, Бляхеръ поднялся со стула и вытянулся надъ столомъ.

— Мы — евреи! — началъ онъ. — Но евреи бываютъ разные. . .

— Есть евреи — великіе богачи, а мы. . . Онъ остановился, подыскивая выраженіе — а у насъ нечѣмъ купить савана послѣ

смерти. . . Есть евреи — большіе ученые, а мы люди простые. Мы не учили ни талмудъ, а ни физику. Мы мелкіе люди. . . Каждый кусокъ хлѣба намъ надо обливать трудомъ и потомъ. . . Отъ нашего пота богатѣютъ еврейскіе богачи, фабриканты, банкеры, я знаю кто? . . Если кто хочетъ ихъ ругать, мы будемъ ругать ихъ еще громче, а если кто назоветъ ихъ: эксплуататоры, — мы скажемъ, что больше всѣхъ они эксплуатируютъ насъ. Мы люди трудящіе, и у насъ общее дѣло со всѣми тѣми, кто тоже трудится, будь онъ еврей, татаринъ, русскій или грекъ.

Въ публикѣ опять раздались рукоплесканія. . .

Горбунъ, наконецъ, дождался своей очереди. Онъ тоже раздѣлялъ соціальдемократическую программу, хотя съ оговорками и ограниченіями. Теперь онъ возбудилъ вопросъ, должны-ли соціальдемократы строго придерживаться принципа классовой борьбы, или же могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, до извѣстной степени, становиться на внѣклассовую почву. Споръ разгорѣлся пуще прежняго, но теперь въ немъ принимали участіе

только люди, сидѣвшіе у стола, оттѣснивъ-таки стариковъ на задній планъ. Пивоваръ овладѣлъ полемъ сраженія, и по его слову ораторы смѣняли другъ друга, а единичные споры прекращались. Теперь на полѣ сраженія образовались двѣ партіи; роли перемѣнились.

Збукаревъ въ союзѣ съ бѣлокурымъ эклектикомъ доказывалъ ко всеобщему удивленію, что болѣе широкое освѣщеніе необходимо, ибо имъ обусловливается настоящій духъ жизни, а Рамасовъ настаивалъ на необходимости совершенно погрузиться въ глубину экономическихъ отношеній. На его сторонѣ были Горбунъ и еще двое, которые также раньше новопріѣзжихъ невольно покинули поле борьбы, но называли себя практиками.

Спицынъ подошелъ къ скептическому слесарю и, перекинувшись съ нимъ нѣсколькими фразами, отошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ порогу другой комнаты. Они завели тамъ тихій, но оживленный разговоръ, обрывки котораго по временамъ долетали къ столу, почти такъ же, какъ недавно отголоски разсказовъ Куляпки.

Споръ затянулся безъ конца. Бѣлая ночь тщетно заглядывала въ открытыя окна. Разгоряченные спорщики не обращали на нее вниманія и не хотѣли знать ничего, кромѣ своихъ аргументовъ.

Наконецъ, изъ группы скептиковъ, сидѣвшихъ, на полу, послышался ропотъ. Это былъ Мармошка, который весь вечеръ просидѣлъ на одномъ мѣстѣ, внимательно слушая споры, но еще ни разу не открывалъ рта.

— Будетъ спорить! — громко сказалъ онъ. — Уже за полночь! Надо лучше спѣть!

Спѣть, спѣть! — поддержало предложеніе такое внушительное большинство, что споры разомъ прекратились. Никто не протестовалъ даже изъ самыхъ рьяныхъ. Всѣ чувствовали, себя утомленными, такъ какъ пренія длились около шести часовъ.

Теперь люди, сидѣвшіе за столомъ, въ свою очередь встали и подошли къ задней стѣнѣ. Компанія, сидѣвшая на полу, поднялась на ноги. Пѣвцы стали группироваться вмѣстѣ. Неугомонный Янесъ тоже присоединился къ пѣвцам и, не долго думая, разинулъ ротъ и выпустилъ первую ноту, собираясь явиться

въ качествѣ запѣвалы. Но широкая рука Жбана немедленно закрыла ему ротъ.

— Попередъ батька въ пекло не суйся! — сказалъ предупреждающимъ голосомъ Жбанъ. — Мы и безъ тебя запоемъ.

Старожилы, дѣйствительно, имѣли хотя небольшой, но довольно дружный хоръ, успѣвшій спѣться за столько долгихъ лѣтъ совмѣстной жизни въ ссылкѣ и, хотѣли непремѣнно пѣть свои пѣсни.

— Запѣвай, Мармошка!

Мармольскій стоялъ въ серединѣ группы пѣвцовъ. Онъ уже четыре года состоялъ безсмѣннымъ регентомъ хора.

— Что споемъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ публикѣ.

Молодые молчали. — „Софрона!“ потребовали старики.

Большинство ихъ были уроженцами южныхъ губерній и предпочитали малорусскія пѣсни великорусскимъ.

Мармольскій кашлянулъ и обвелъ глазами хоръ.

— Только смотрите, во время подхватывайте! — предупредилъ онъ.

До-ми-соль-до . . фа! . .

— „Ой, задумалъ казакъ, ой, задумалъ Софронъ, собі славоньки добити!“ — началъ Мармошка тихимъ и задумчивымъ голосомъ.

— „Собі славоньки добити! . .“ — повторилъ онъ еще разъ, какъ бы давая чувствовать печальными переливами звуковъ будущую неудачу и крушеніе затѣи Софрона.

— „Гей, зібравъ військо, славне запорізьске, тай пішовъ орду бить! . . .“ — дружно и громко подхватилъ хоръ.

— „Ой же ты, казакъ, ой же ты, Софронъ! А де твои прегромки рушниці? (ружья) — началъ опять Мармошка еще тише и еще задумчивѣе, какъ бы разговаривая самъ съ собою и жалуясь, и изумляясь собственному пораженію.

— „Гей, мои рушниці въ Козлови въ світлици. Мене заховали въ темници! . . .“ — громко отвѣтилъ хоръ.

Пѣсня росла. Въ ней слышалась жалоба, вылившаяся изъ самаго сердца и, несмотря на двухсотлѣтнее разстояніе, живо воскрешавшая передъ слушателями тѣсную татарскую тюрьму и злую судьбу Софрона и его товарищей.

— Еще, еще! — потребовали слушатели, когда послѣдніе звуки „Софрона“ замерли въ воздухѣ. — Другую! „Невільницкій плачъ“!..

— Ладно! — сказалъ Мармошка. — Только я запѣвать не буду! Голоса не хватаетъ! Запѣвайте, Мыльниковъ!

Черный человѣкъ съ блестящимъ лбомъ, недавно отрицавшій существованіе рабочаго движенія, выдвинулся впередъ и крякнулъ.

— Дайте тонъ! — попросилъ онъ Мармольскаго.

До-ми-соль-до! . . Ми-фа! . .

— „Закувала та сива зосуля раннімъ рано на зорі!“ — началъ Мыльниковъ высокимъ и довольно жидкимъ теноромъ, который, однако, хорошо подчинялся каждому желанію пѣвца.

— „Тай заплакали хлопці-мюлодці“ — подхватилъ Мармольскій. — „Тай на чужбині, въ кайданахъ, въ тюрьмі!“ — перечислялъ онъ съ буйной горечью.

— „Ой, повій, тай буйнесенькій вітре!“ — началъ снова Мыльниковъ еще выше, словно вопль, поднимавшійся куда-то къ небу. — „Тай вынеси насъ на Вкраину! . .“

— „Тамъ на Вкраини та сонечко сьяе, казацьтво гуляе и насъ выглядае . . . и насъ выглядае!“ — подхватилъ хоръ.

— „По синему морю байдаки пiдъ вiтромъ гуляютъ!“ — запѣли тенора, какъ пѣсню сладкой надежды. — „Братьевъ зъ неволи щобъ выручати, гей, запоризьцi чимъ дужчь поспiшаютъ . . .“

— „Гей, якъ зачулы турецькiи султанi!“ — подхватили басы, погашая строптивыми звуками всякую возможность, малѣйшій зародышъ надежды. — „Гей, та звелiли ще гiрьше куваты кайданы! . .“

— „Кайданы куваты, куваты кайданы!“ — рубилъ октавой Жбанъ.

— Что же это такое? — послышался вдругъ негодующій возгласъ Янеса. Зачѣмъ они ноютъ? Братцы, запоемъ свою! . .

И не дождавшись отвѣта, онъ во весь голосъ затянулъ рабочую „Марсельезу“.

Молодая половина общества, столпившаяся слѣва, громко подхватила съ первой же ноты. Звуки торжества и вызова, рѣзкіе, отрывистые, похожіе на звонъ стали, съ силой вырвались изъ оконъ и покатились по безлюдной улицѣ, спавшей спокойнымъ сномъ. Молодые усту-

пали искусствомъ пѣнія хору старожиловъ, но они пѣли громче и усерднѣе. Впрочемъ, со второй фразы весь хоръ стариковъ присоединился къ пѣснѣ, придавая ей торжественность и мѣрность темпа. Сила ея удвоилась.

— „Грядущаго бросаемъ мы посѣвъ!“ — неслись слова припѣва, какъ на крыльяхъ, и даже эхо, дремавшее въ глубинѣ этой лѣнивой ночи, проснулось и отвѣтило чуть слышнымъ откликомъ.

Наконецъ, пѣсня кончилась.

— Наша пѣсня! — сказалъ Янесъ съ блескомъ въ глазахъ, подчеркивая слово: наша.

— Ну да, ваша! — насмѣшливо возразилъ Тутаенко, который тоже стоялъ вмѣстѣ съ другими и все время энергично подпѣвалъ скрипучимъ голосомъ, похожимъ на визгъ желѣза. — Накрадете у людей, да и выдаете за свое.

Янесъ хотѣлъ протестовать.

— Я эту пѣсню пѣлъ еще, когда вы съ флагомъ бѣгали – продолжалъ Тутаенко, — да коли на то пошло, еще и по-французски.

— Иль фіётъ ефьерь иль буже — проговорилъ онъ нараспѣвъ, выговаривая французскія слова совсѣмъ по-русски, какъ, между

прочимъ, онъ заучилъ ихъ нѣкогда съ бумажки, гдѣ они были записаны русскими буквами. — Значитъ, эта пѣсня была наша! — заключилъ онъ сентенціозно.

Слесарь, очевидно, рѣшилъ остаться непримиримымъ до конца.

Янесъ подумалъ немного и безпечно махнулъ рукой.

— Ладно! — согласился онъ. — Ваша-ли, наша-ли! Кто поетъ, того и пѣсня, лишь бы погромче пѣть! . .

– Братцы! – предложилъ онъ — „Отречемся отъ стараго міра! . .“

Пивоваръ, Брамсъ и Бляхеръ отошли къ сторонкѣ и о чемъ-то сговаривались.

— Мы запоемъ свою! — предложили они.

Публика выразила шумное согласіе. Янесъ не только согласился на новое предложеніе, но даже немедленно присоединился къ кружку пѣвцовъ.

Звуки еврейскаго хорала, въ свою очередь, полились въ открытыя окна. Они раздавались слабѣе, такъ какъ голосовъ было меньше, но въ напѣвѣ звучала та же сила и та же энергія. Странно было слушать этотъ напѣвъ въ соединеніи съ гортанными словами, которыя

привычная ассоціація идей связывала съ шумной торговлей на рынкѣ и крикливой перебранкой изъ-за насущнаго куска и каждаго жалкаго гроша. Для того, кто могъ понимать смыслъ этихъ словъ, они говорили о надеждѣ на будущее, о союзѣ труда, о живой любви къ идеалу.

Все это были молодые всходы, которые съ упрямой настойчивостью тянулись изъ-подъ земли на вольный воздухъ въ предчувствіи восходящаго разсвѣта. Они пробивались наружу такъ же самопроизвольно, какъ пробивается первая трава на черной прогалинѣ, увлажненной слезами февральской оттепели и ручейками подтаявшаго снѣга. Почва подъ ихъ подложьемъ отмякла, и тонкіе и цѣпкіе корешки распространялись въ темнотѣ, прокладая себѣ ходы во всѣ стороны и сплетаясь въ непрерывную живую сѣть, проникавшую все глубже и глубже.

* * *

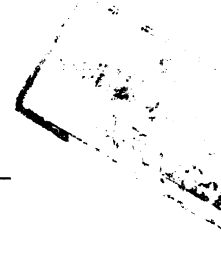
Черезъ нѣсколько дней передъ домомъ Куляпки было замѣтно необычайное движеніе. Безпаловъ и Фокинъ получили назначеніе, котораго давно дожидались, и отправлялись теперь въ Верхоянскъ.

Почти все общество собралось на проводы, кромѣ тѣхъ, кому абсолютно нельзя было придти. Даже Жбанъ, успѣвшій возвратиться къ своимъ домашнимъ пенатамъ, на этотъ разъ снова покинулъ ихъ и тоже присутствовалъ здѣсь вмѣстѣ съ другими.

Прощальный обѣдъ кончился. Кони, привязанные у столбовъ, дожидались уже нѣсколько часовъ и нетерпѣливо фыкали, кусая дерево столбовъ и постукивая копытомъ о землю. Теперь нужно было уѣзжать. Началось продолжительное прощаніе, между тѣмъ какъ спутники уѣзжавшихъ отвязывали коней и поправляли на нихъ сбрую. Пѣвцы запѣли ту же пѣсню, что вчера, и звуки ея при дневномъ свѣтѣ звенѣли еще могущественнѣе. Всѣ обнажили головы, и уѣзжавшіе, наконецъ, вскочили въ сѣдла. Черезъ нѣсколько минутъ они уже были за городомъ и ѣхали крупной рысью по твердо утоптанной дорогѣ среди широкихъ, наполовину скошенныхъ лу-

говъ. На небѣ не было ни облачка. Только у выступовъ холмистой гряды, круто выходившихъ на огромную рѣку, которая развернула вблизи свои широкіе изгибы, вился легкій паръ, исчезавшій по мѣрѣ приближенія вечера. Кругомъ пахло свѣже срѣзанной травой, жаворонки прыгали у дороги и встрѣчали путниковъ брызжущимъ привѣтомъ своей пѣсни, красные овражки смотрѣли имъ во слѣдъ съ наивнымъ недоумѣніемъ, а сзади, изъ покинутаго города для ихъ слуха какъ будто еще звенѣли слова напѣва, говорившія о посѣвахъ будущаго.

Якутскъ, 1899 г.



Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ГОСПОДА ОБМАНОВЫ

А. Амфитеатрова

(Old Gentleman)

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Цѣна 1 мар.

Изданіе Гуго Штейница въ Берлинѣ SW.

ОТЪ РОЗГИ
КЪ ЖЕЛТОМУ БИЛЕТУ

НОВЫЕ ПОДВИГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
и
СТАРЫЯ ДУМЫ РАБОТНИКА.

Цѣна 1 м. 20 пф.